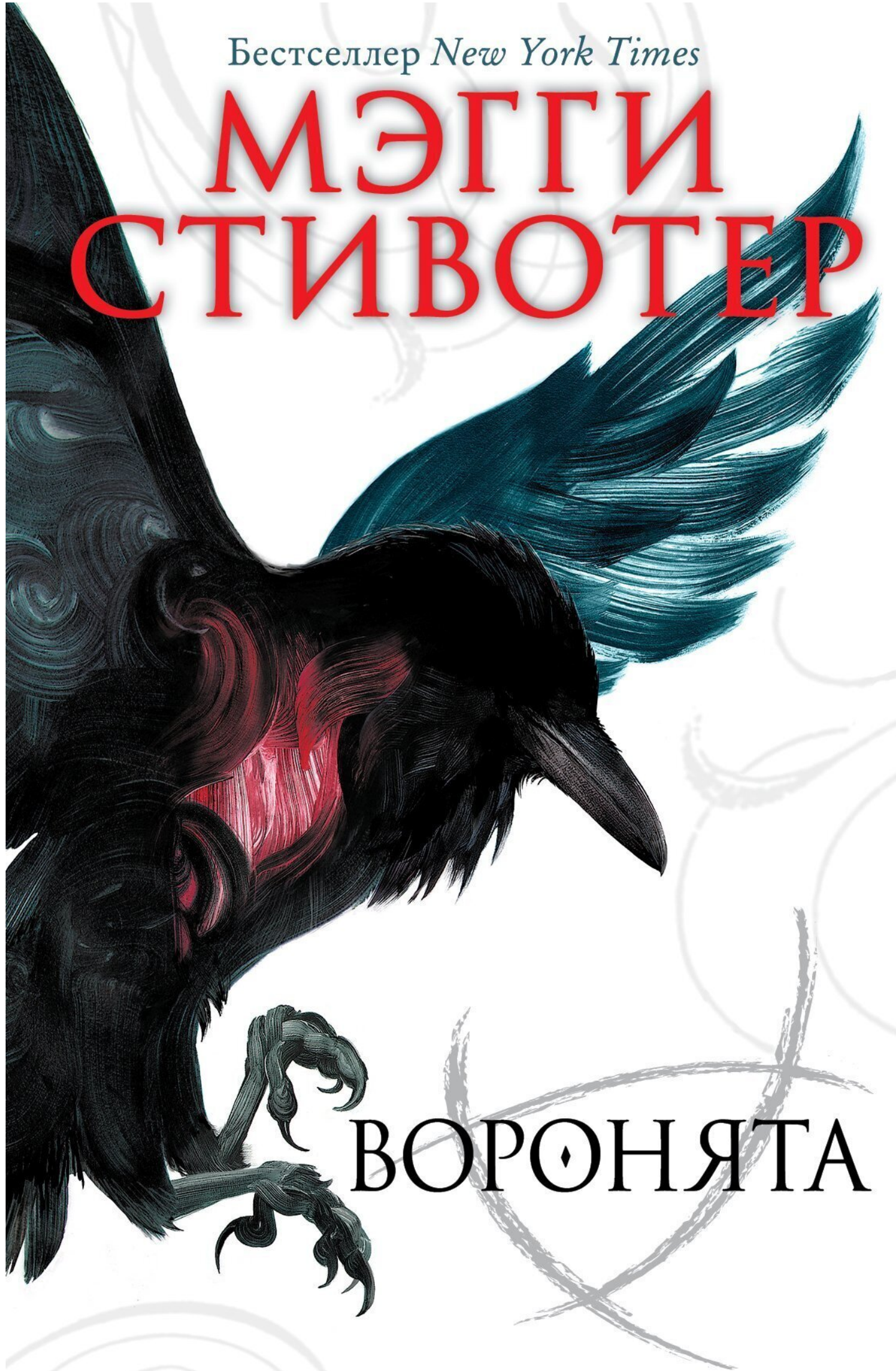

Бестселлер *New York Times*

МЭГГИ СТИВОТЕР

ВОРОНЯТА

Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер

Мэгги Стивотер

Воронята

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стивотер М.

Воронята / М. Стивотер — «Эксмо», 2012 — (Young Adult.
Бестселлер Мэгги Стивотер)

ISBN 978-5-04-157149-8

Премия Michael L. Printz за лучший молодежный роман Лучшая книга года по версии «Publishers Weekly» Лучшая книга года по версии «New York Times» Лучшая книга года по версии «Kirkus Reviews» «Есть только две причины, по которым незрячий может увидеть духа в канун дня святого Марка, Блу. Или ты полюбишь этого человека, или убьешь...» Блу Сарджент уже сбилась со счета, сколько раз ей говорили, что она убьет человека, которого полюбит. И когда девушка стояла посреди кладбищенского двора, она видела его, такого молодого и несправедливо обреченного. Его звали Ганси. Богатый ученик престижной академии Агленби. Таких, как он, называли Воронятами по вышитому на груди ворону на школьной форме. Блу знала, что от Воронят нужно держаться подальше. Самоуверенные, высокомерные и опасные, настоящие короли их небольшого городка. Но пройдет не слишком много времени, и необъяснимое влечение к Ганси сметет все преграды. Блу окажется вместе с троицей Воронят: Адамом, волею судьбы ставшим своим среди богачей, Ронаном, отчаянным парнем с расколотой душой, и неприметным, тихим Ноем. Блу не верит ни в любовь, ни в предсказания, но, попав в мрачный и незнакомый мир Воронят, девушка навсегда изменит не только свою жизнь, но и жизнь каждого из них.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-157149-8

© Стивотер М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	7
1	9
2	15
3	21
4	26
5	33
6	36
7	40
8	47
9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мэгги Стивотер

Воронята

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Бренье, которая хорошо умеет искать.

*Взор застыл, во тьме стесненный,
и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным
на земле ни для кого...*

Эдгар Аллан По

*Мечтатель – это тот, кто находит свой путь только при лунном
свете и в наказание видит рассвет раньше других людей.*

Оскар Уальд

Пролог

Блу Сарджент уже сбилась со счета, сколько раз ей говорили, что она убьет человека, которого полюбит.

Ее родные торговали предсказаниями. Они, впрочем, обходились без особой конкретики. «Сегодня с тобой случится что-то очень плохое. Возможно, это будет как-то связано с цифрой «шесть». Или: «Тебя ждут большие деньги. Главное – не прозевай». Или: «Тебе предстоит принять важное решение, и само собой это не сделается».

Людей, которые приходили в маленький, ярко-синий домик (Фокс-Вэй, 300), не смущала расплывчатость предсказаний. Это было своеобразной игрой, вызовом судьбе – угадать точный момент, когда предсказание сбудется. Когда, спустя два часа после сеанса, микроавтобус, в котором ехали шесть человек, врезался в машину клиента, тот мог с облегчением кивнуть: задачка решилась. Когда другой клиентке сосед предложил купить у нее старую газонокосилку – а она как раз нуждалась в деньгах, – женщина вполне могла припомнить предвещание и ответить утвердительно, нимало не сомневаясь, что это было предопределено. Ну или когда третьему клиенту жена говорила: «Надо наконец принять решение», он вспоминал, что те же самые слова произнесла Мора Сарджент, сидя над разложенными картами Таро, и немедленно брался за дело.

Но туманность предсказаний отчасти лишала их силы. Их можно было счесть просто совпадениями или догадками. Над ними посмеивались на магазинной парковке, где клиент, как ему было предсказано, вдруг встречал давнего друга. Вздрагивали, когда замечали цифру 17 на счете за электричество. Понимали, что даже если тебе и открылось будущее, это никак не повлияет на твою жизнь в настоящем. Предсказания были правдой – но не всей.

– Я обязана вас предупредить, – всегда говорила Мора очередному клиенту, – что предсказание будет точным, но не конкретным.

Так было проще.

Но с Блу не церемонились. Раз за разом женщины изучали ее ладонь, раскладывали на мохнатом ковре в гостиной вынутые из обтрепанной колоды карты, прикладывали пальцы к мистическому, незримому третьему глазу, который-де скрывается у человека между бровями. Бросали руны, толковали сны, вглядывались в чайные листья и проводили спиритические сеансы.

Все женщины приходили к одному и тому же выводу, откровенному и очень конкретному. Они говорили на разных языках ясновидения, но сходились в одном, а именно: если Блу поцелует своего возлюбленного, он умрет.

Долгое время это предостережение не давало Блу покоя. Оно, разумеется, было вполне конкретным, но в духе волшебной сказки. Ей не объяснили, каким образом умрет ее возлюбленный. И сколько времени пройдет после поцелуя.

Целовать обязательно в губы? Или целомудренный поцелуй в тыльную сторону ладони окажется столь же смертоносным?

До одиннадцати лет Блу была убеждена, что незаметно для себя подхватит какую-то заразную болезнь. Одно прикосновение ее губ к губам гипотетического избранника – и он умрет в мучительной борьбе с недугом, который не поддается современной медицине. Когда ей исполнилось тринадцать, Блу решила, что причиной его гибели станет ревность – в момент первого поцелуя их застигнет ее отвергнутый ухажер, с пистолетом наготове и сердцем, полным ярости.

В пятнадцать Блу сказала себе, что мамины карты – просто игрушки, а сны, которые видела Мора и другие ясновидицы, вызваны спиртным, а вовсе не пророческим наитием, поэтому на их слова можно не обращать внимания.

Впрочем, она знала, что это не так. Предсказания, которые звучали в доме номер 300 на Фокс-Вэй, были смутными, но неизменно правдивыми. Так, мать увидела во сне, что в свой первый школьный день Блу сломает запястье. Тетя Джими предсказала годовой доход Моря с точностью до десяти долларов. Двоюродная сестра Орла всегда начинала напевать свою любимую песню за несколько минут до того, как ее включали по радио.

Никто в доме не сомневался, что Блу предназначено убить поцелуем своего возлюбленного. Впрочем, эта угроза витала в воздухе так долго, что потеряла силу. Представить шестилетнюю Блу влюбленной было не так-то просто. Разве что чисто теоретически.

В шестнадцать Блу решила, что никогда не влюбится, так что всё это неважно.

Но она засомневалась, когда в их маленький городок, который назывался Генриетта, приехала сводная мамина сестра – Нив. Нив была знаменитостью: она открыто делала то, что Мора делала тихо. Мора гадала у себя в гостиной, в основном для жителей Генриетты и для окрестных фермеров. Нив, напротив, проводила сеансы по телевизору, в пять утра. У нее был свой веб-сайт, и там посетители могли полюбоваться старыми размытыми фотографиями, с которых Нив смотрела на них в упор. Еще она написала четыре книги о природе сверхъестественного.

Блу никогда не видела Нив, поэтому о своей сводной тете она больше знала благодаря Гуглу, чем по личным воспоминаниям. Блу понятия не имела, зачем Нив приезжает, – но знала, что Мора и две ее лучшие подруги, Персефона и Калла, вели массу таинственных разговоров шепотом, обсуждая предстоящий визит. Эти разговоры обрывались, сменяясь прихлебыванием кофе и постукиванием карандашами по столу, когда Блу входила в комнату. Но ту не особенно волновал визит Нив. Подумаешь, еще одна женщина в доме, который и так ими переполнен.

Наконец Нив приехала – весной, когда тени гор на западе казались длинней обычного. Открыв дверь, Блу подумала, что перед ней стоит какая-то незнакомая старушка, но затем ее глаза привыкли к алому закатному свету, лившемуся сквозь ветви, и она поняла, что Нив чуть старше Моря, которая была еще совсем не стара.

Где-то вдалеке выли собаки. Блу не удивилась. Осенью охотничий клуб Агленби почти каждые выходные выезжал травить лис. Блу знала, что означают эти неистовые завывания гончих: они напали на след.

– Ты дочь Моря, – произнесла Нив – и добавила, прежде чем Блу успела сказать хоть слово: – В этом году ты встретишь свою любовь.

1

На церковном дворе стоял лютый холод. Еще до появления мертвых.

Каждый год Блу и ее мать, Мора, приходили на одно и то же место, и каждый раз было очень холодно. Но в этом году, без Моры, казалось еще холоднее.

Было двадцать четвертое апреля, канун дня святого Марка. Для большинства людей этот день наступал и проходил незамеченным. Занятия в школах не отменялись. Никто не обменивался подарками. Не было ни специальных костюмов, ни праздничных мероприятий, ни распродаж, ни открыток, посвященных дню святого Марка, ни телепрограмм, которые выходят по особому случаю раз в год. Никто не отметил 25 апреля у себя в календаре.

Честно говоря, большинство людей вообще не в курсе, что у святого Марка есть день памяти.

Но смерть об этом помнила.

Сидя на каменной стенке и дрожа от холода, Блу сказала себе, что в этом году хотя бы нет дождя.

Каждый год, в канун дня святого Марка, Мора и Блу приезжали сюда – к уединенной разрушенной церкви, такой старой, что ее название позабылось. Эти развалины стояли среди поросших густым лесом холмов на окраине Генриетты, в нескольких милях от гор. Сохранились только внешние стены; крыша и пол давным-давно провалились. То, что не сгнило, скрылось под лозами плюща и какими-то зловонными побегами. Церковь окружала каменная стена, в которой был проделан один-единственный проход, достаточно широкий, чтобы могли пройти люди, несущие гроб. Упрямая тропка, которая словно не поддавалась сорнякам, вела к бывшей двери.

– А, – произнесла Нив, полная, но странно изящная, сидя рядом с Блу на стене.

Блу вновь, как и при первой встрече, была поражена ее необыкновенно красивыми руками. Пухлые запястья переходили в нежные, маленькие, как у ребенка, кисти с тонкими пальцами и овальными ногтями.

– А, – повторила Нив опять. – Вот это ночь.

Она сказала это так: «Вот это *ночь*», и Блу слегка поежилась. Она приезжала сюда вместе с матерью последние десять лет, но сегодня всё было по-другому.

Сегодня была *ночь*.

Впервые – и Блу не понимала, почему – Мора отправила Нив сторожить у церкви вместо себя. Она спросила у Блу, не против ли та составить Нив компанию, но на самом деле это был не вопрос. Блу всегда туда ездила – и поехала бы и на сей раз. Не то чтобы у нее были какие-то свои планы на канун дня святого Марка. Но Мора не могла не спросить. Незадолго до рождения Блу она решила, что отдавать детям приказы – это варварство. Поэтому Блу выросла в окружении повелительных вопросов.

Она сжала и разжала замерзшие кулаки. Края митенок обтрепались. Она связала их в прошлом году, и довольно скверно, но в них был несомненный шик. Не будь Блу такой тщеславной, она могла бы носить скучные, зато удобные перчатки, подаренные ей на Рождество. Но она была тщеславной – и носила свои обтрепанные митенки, несравненно более крутые, хотя и менее теплые. И здесь никто их не видел, кроме Нив и мертвых.

Апрельские дни в Генриетте обычно были приятны и теплы. Спящие деревья выпускали почки, обезумевшие от любви божьи коровки бились об оконные стекла. Но только не сегодня. Сегодня было холодно, как зимой.

Блу посмотрела на часы. Почти одиннадцать. В старых легендах говорилось, что караулить в церкви нужно в полночь, но мертвецы плохо следят за временем, особенно когда нет луны.

В отличие от Блу, которая нетерпеливо ерзала, Нив восседала на старой церковной ограде, как величественная статуя – руки сложены, лодыжки под длинной шерстяной юбкой скрещены. Блу, съжившаяся, маленькая и худая, напоминала беспокойную незрячую горгулью. Ее глаза – обычные, человеческие – в эту ночь ничего не видели. Эта ночь принадлежала пророкам и ясновидцам, ведьмам и медиумам.

Иными словами, всем ее родным.

Нив вдруг спросила в тишине:

– Ты что-нибудь слышишь?

Ее глаза сверкнули во мраке.

– Нет, – ответила Блу, потому что ничего не слышала.

Потом она подумала, что, возможно, Нив что-то услышала.

Нив смотрела на нее тем же самым взглядом, что и на фотографиях в Интернете – преднамеренно обескураживающим, потусторонним, и этот зрительный контакт продолжался на несколько секунд дольше приемлемого. Через несколько дней после приезда Нив Блу настолько встревожилась, что пожаловалась матери. Они тогда вдвоем заняли крохотную ванную – Блу собиралась в школу, а Мора на работу.

Блу, пытаясь собрать все пряди своих темных волос в рудиментарный хвостик, спросила:

– Ей обязательно надо так смотреть?

Мора, стоя в душе, что-то рисовала на запотевшем стекле кабинки. Она рассмеялась, и ее тело мелькнуло в просветах длинных пересекающихся линий, которые она вывела пальцем.

– Это просто ее фирменный знак.

Блу подумала, что прославиться можно и другими вещами.

Сидя на каменной ограде кладбище, Нив загадочно сказала:

– Я много чего слышу.

Но слышать было нечего. Летом в холмах кишмя кишели насекомые, пересвистывались птицы, вороны каркали вслед машинам. Но сегодня было слишком холодно, и никто еще не проснулся.

– У меня это по-другому, – сказала Блу, слегка удивившись: Нив еще как будто ничего не поняла.

В своей сплошь одаренной ясновидением семье она была неудачницей, простым наблюдателем тех оживленных бесед, которые ее мать, тетки и двоюродные сестры вели с миром, скрытым от большинства людей. Единственное, что отличало Блу от остальных, так это способность, результатами которой она сама воспользоваться не могла.

– Я слышу разговоры в той же мере, в какой их слышит телефон. Но я усиливаю звук для остальных.

Нив не отводила от нее взгляда.

– Вот почему Мора так хотела, чтобы ты поехала. Она заставляла тебя присутствовать на всех своих сеансах?

Блу вздрогнула при этой мысли. Среди клиентов, посещавших дом номер 300 на Фокс-Вэй, было много несчастных женщин, которые надеялись, что Мора предскажет им в будущем любовь и богатство. Сама мысль о том, чтобы целый день сидеть в доме, полном чужим горем, была мучительна. Блу понимала, что Море наверняка очень хотелось позвать ее, чтобы лучше слышать. Когда она была маленькой, то не могла в полной мере оценить, что Мора крайне редко просила ее поприсутствовать на сеансе, но потом, когда Блу поняла, что здорово усиливает чужие способности, поразила материнской выдержке.

– Разве что сеанс был очень важный, – закончила она.

Взгляд Нив пересек тонкую черту между раздражающим и зловещим. Она произнесла:

– Знаешь, этим стоит гордиться. Умение усиливать чужие экстрасенсорные способности – редкий и ценный дар.

– Ой, подумаешь, – ответила Блу, но без сарказма.

Она хотела пошутить. За шестнадцать лет она вполне успела привыкнуть к мысли о том, что не обладает доступом к сверхъестественному. И Блу не желала, чтобы Нив думала, будто из-за этого у нее кризис личности.

Блу потянула нитку на перчатке.

– И у тебя много времени, чтобы дорасти до собственных ясновидческих способностей, – добавила Нив.

Ее взгляд сделался ненасытным.

Блу не ответила. Ей было неинтересно предсказывать людям будущее. Она предпочла бы выяснить свое.

Наконец Нив отвела глаза. Лениво водя пальцем по грязным камням, которые их разделяли, она сказала:

– По пути в город я проехала мимо школы. Академия Агленби. Ты там учишься?

Блу насмешливо вытаращила глаза. Разумеется, Нив как приезжая этого не знала, но все-таки по массивному каменному зданию и куче иномарок на парковке нетрудно было догадаться, что Академия Агленби – не та школа, которую они могли себе позволить.

– Это школа для мальчиков. Там учатся дети политиков, сынки нефтяных магнатов и... – Блу замолчала, раздумывая, кто еще мог быть достаточно богат, чтобы отправить своих детей в Агленби, – и сыновья любовниц, которым хорошо заплатили за молчание.

Нив подняла бровь, не глядя на нее.

– Вообще-то они просто ужасны, – сказала Блу.

Апрель был не лучшим временем года для Генриетты. Как только теплело, появлялись спортивные машины, и в них сидели парни в таких потрепанных шортах, каких не стыдятся только богачи. В будни они все носили школьную форму – брюки защитного цвета и свитера с вышитым на груди вороном. Было нетрудно разглядеть наступающего врага.

Воронята.

Блу продолжала:

– Они считают себя лучше нас, думают, что мы ради них будем лезть из кожи вон, и каждые выходные напиваются в стельку и раскрашивают из баллончиков указатель на Генриетту.

Академия Агленби была основной причиной того, что Блу выработала для себя два жизненных правила. Во-первых, держись подальше от парней, потому что с ними одни проблемы. Во-вторых, держись подальше от парней из Агленби, потому что они все придурки.

– Похоже, ты очень рассудительная девица, – сказала Нив, и Блу поморщилась: она и так это знала.

Когда денег мало, с самого детства невольно становишься рассудительным во всем.

В тусклом свете почти полной луны Блу вдруг заметила то, что Нив нарисовала на грязном камне. Она сказала:

– О. Мама тоже это рисовала.

– Правда? – спросила Нив.

Они вместе посмотрели на рисунок. Три изогнутые, пересекающиеся линии, представлявшие собой нечто вроде вытянутого треугольника.

– А Мора не говорила, что это такое?

– Она нарисовала это на двери душевой кабины. Я не спрашивала.

– Я увидела эту штуку во сне, – сказала Нив спокойным голосом, от которого Блу охватила неприятная дрожь. – И захотела посмотреть, на что она будет похожа, если ее нарисовать.

Она стерла рисунок ладонью и вдруг резко вскинула красивую руку.

– Кажется, они приближаются.

Вот зачем Блу и Нив приехали сюда. Каждый год Мора сидела на церковной оgrade, подтянув колени к подбородку, смотрела в никуда и называла дочери имена. Для Блу кладбищен-

ский двор оставался пустым, но для Мору он был полон мертвых. И не только уже имеющихся покойников, но и тех, кому предстояло умереть в течение следующих двенадцати месяцев. Для Блу это было всё равно что слышать только одного из участников диалога. Иногда ее мать встречала знакомых, но чаще всего ей приходилось подаваться вперед и спрашивать имена. Однажды Мора сказала, что, не будь дочери рядом, она не смогла бы добиться ответа. Мертвые просто не видели Мору без Блу.

Блу не надоело чувствовать себя постоянно нужной, но иногда ей хотелось, чтобы «нужная» не значило исключительно «полезная».

Дозор у церкви был важен для одной из самых необычных услуг, оказываемых Морой. Всем клиентам, жившим в Генриетте и ее окрестностях, она обещала дать знать, не умрут ли они и их близкие в следующем году. Казалось бы, кто не готов за это заплатить? Но, честно говоря, раскошеливались немногие. Потому что большинство людей не верят в предсказания.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила Блу.

Она потеряла застывшие руки, а потом взяла лежавшие рядом блокнот и ручку.

Нив сидела неподвижно.

– Что-то коснулось моих волос.

И вновь по плечам Блу пробежала ледяная дрожь.

– Это кто-то из них?

Нив хрипло ответила:

– Будущие мертвецы должны пройти по дороге мертвых, через ворота. Это, наверное, какой-то другой... дух, вызванный твоей энергией. Я не подозревала, какой эффект ты способна произвести...

Мора никогда не говорила, что Блу привлекает и других мертвых. Возможно, она не хотела пугать дочь. Или просто Мора их не видела, была нечувствительна к ним точно так же, как и Блу.

Блу с неприятной остротой ощутила легкий ветерок, который коснулся ее лица и раздул выющиеся волосы Нив. Незримые и достаточно спокойные духи людей, которые еще не умерли, – это одно дело. Совсем другое – призраки, которые не обязаны придерживаться тропы.

– Они... – начала Блу.

– Кто ты? Роберт Нейман, – прервала ее Нив. – Как твое имя? Рут Верт. Как тебя зовут? Фрэнсис Пауэлл.

Блу быстро писала на слух, стараясь не отставать, по мере того как Нив уговаривала призраков. То и дело она вскидывала глаза на тропу, пытаясь увидеть... что-нибудь. Но, как всегда, там не было ничего, кроме разросшихся сорняков, едва видимых в темноте дубов и черного портала церкви, принимающего незримых духов.

Нечего слышать, нечего видеть. Никаких знаков присутствия мертвых, кроме имен в блокноте.

Возможно, Нив не ошиблась. Возможно, у Блу было нечто вроде кризиса личности. Иногда и правда казалось несправедливым, что магия и сила, присущие ее семье, достались Блу в виде одной лишь бумажной работы.

«По крайней мере, я все-таки могу в этом участвовать», – мрачно подумала Блу, хотя ей казалось, что в процесс она включена не больше, чем собака-поводырь.

Она поднесла блокнот к лицу – ближе, ближе, ближе, – чтобы разобрать в темноте собственные записи. Россыпь имен, популярных семьдесят-восемьдесят лет назад – Дороти, Ральф, Кларенс, Эстер, Герберт, Мелвин... И много одинаковых фамилий. Долину населяло некоторое количество старинных семей, которые были достаточно велики, даже если и не богаты.

Где-то за пределами мыслей Блу голос Нив зазвучал настойчивей.

– Как твое имя? – спросила она. – Послушай. Как тебя зовут?

Лицо у нее было испуганное, и Блу показалось, что это очень странно.

Она по привычке проследила взгляд Нив, устремленный в центр двора.

И увидела там фигуру.

Сердце Блу забилося, как будто кто-то кулаком стучал изнутри в грудную клетку.

Она его *видела*. Там, где никого не должно было быть, стоял человек.

– Я вижу, – произнесла Блу. – Нив, я вижу.

Блу всегда думала, что мертвые идут упорядоченной процессией, но этот дух бродил по двору и словно медлил. Это был молодой человек в просторных брюках и свитере, с растрепанными волосами, не вполне прозрачный, но в то же время бесплотный. Его фигура казалась мутной, как грязная вода, лицо размытым. Кроме юности, ни одной черты в нем не удавалось определить.

Он был очень молод... и с этим было труднее всего смириться.

Пока Блу смотрела на него, он остановился и поднес руку к щеке. Это был настолько «живой» жест, что Блу стало нехорошо. Затем юноша с усилием шагнул вперед, словно его толкнули в спину.

– Узнай, как его зовут, – прошептала Нив. – Мне он не отвечает, а я должна опросить остальных.

– Я? – спросила Блу, но все-таки слезла с ограды.

Ее сердце продолжало колотиться о ребра. Она спросила, чувствуя себя немного глупо:

– Как тебя зовут?

Юноша, казалось, не услышал ее. Не обращая на Блу внимания, он вновь двинулся по направлению к церковной двери – медленно, точно в транс.

«Так мы и переходим в иной мир? – задумалась Блу. – Спотыкаясь и постепенно угасая, вместо того чтобы полностью осознавать происходящее?»

Нив принялась задавать вопросы другим духам, а Блу шагнула к скитальцу.

– Кто ты? – спросила она с безопасного расстояния, когда юноша уронил голову на руки.

Теперь она увидела, что у него нет четких очертаний, а лицо совсем бесформенное. Ничто в его облике не намекало, что это человек, но все-таки Блу видела перед собой юношу. Что-то подсказывало ее сознанию, кто перед ней, даже если об этом не свидетельствовали глаза.

Блу раньше думала, что обрадуется, когда увидит духа; но ничего подобного она не чувствовала. В голове крутилась одна мысль: «Он умрет в течение года». И как только Мора это выносила?

Блу осторожно подошла ближе. Она была уже так близко, что могла коснуться юноши, но тут он снова двинулся к церкви, хотя по-прежнему, казалось, не замечал Блу.

Оказавшись совсем рядом с мертвым, девушка почувствовала, что у нее заledenели руки. И сердце тоже. Незримые духи, не обладавшие собственным теплом, высасывали из Блу энергию, так что от холода она покрылась мурашками.

Юноша стоял на пороге церкви, и Блу поняла, интуитивно поняла, что, если он войдет, она упустит шанс узнать его имя.

– Пожалуйста, – сказала она, мягче, чем раньше, а затем протянула руку и коснулась края иллюзорного свитера.

Холод, подобный ужасу, нахлынул на нее. Блу попыталась успокоиться, напоминая себе то, что слышала сто раз: «Духи черпают энергию из того, что их окружает». Она только одно это и ощущала: как он использовал ее, чтобы оставаться видимым.

И все-таки Блу было страшно.

Она спросила:

– Ты скажешь мне, как тебя зовут?

Юноша повернулся к ней, и она с испугом обнаружила, что на нем свитер с эмблемой Агленби.

– Ганси, – ответил он.

Хотя его голос звучал тихо, он не шептал. Это был нормальный голос, который доносился откуда-то издалека.

Блу неотрывно рассматривала растрепанные волосы, смутные очертания внимательных глаз, ворона на свитере. Она заметила, что плечи у юноши мокрые и вся одежда забрызгана дождем, которому только предстояло пролиться. Стоя вблизи, она почуяла слабый запах мяты, присущий то ли ему, то ли духам вообще.

Он был совсем настоящим. Когда это наконец произошло – когда Блу увидела духа, – она не ощутила никакой магии. Ей показалось, что она заглянула в открытую могилу и встретила ответный взгляд.

– И всё? – шепотом спросила Блу.

Ганси закрыл глаза.

– Всё, что есть.

Он упал на колени – беззвучно, как и полагалось человеку, у которого не было тела. Одной рукой он уперся в землю, вдавив в нее пальцы. Чернота церкви выглядела отчетливей, чем очертания его плеч.

– Нив, – сказала Блу. – Нив, он... умирает.

Нив стояла у нее за спиной. Она ответила:

– Пока нет.

Ганси почти исчез. Он сливался с церковью, ну или церковь сливалась с ним.

Блу спросила – глуше, чем сама хотела:

– Почему... почему я его вижу?

Нив посмотрела через плечо, то ли потому что приближались новые духи, то ли потому что нет. Блу этого не знала. Когда Нив снова взглянула в сторону церкви, Ганси уже полностью исчез. Блу почувствовала, как ее тело вновь наполняется теплом, но отчего-то легкие словно оставались скованы льдом. В ней угнездилась опасная, сосущая тоска – то ли горе, то ли сожаление.

Нив сказала:

– Есть только две причины, по которым незрячий может увидеть духа в канун дня святого Марка, Блу. Или ты полюбишь этого человека, или убьешь.

2

– Это я, – сказал Ганси.

Он повернулся и встал лицом к машине. Ярко-оранжевый капот «Камаро» был поднят, скорее в знак поражения, чем из необходимости. Адам, известный друг машин, вероятно, смог бы определить, что сломалось на сей раз, но Ганси уж точно нет. Он кое-как сумел остановиться на обочине, в нескольких шагах от автострады, и теперь колеса, вывернутые в разные стороны, стояли на травянистых холмиках. Мимо, даже не притормозив, пронёсся грузовик, и «Камаро» закачался.

В трубке отозвался голос Ронана Линча, его соседа:

– Ты пропустил всемирную историю. Я думал, тебя убили.

Ганси посмотрел на часы. Он пропустил не только историю. Было одиннадцать часов, и прохлада минувшей ночи уже казалась чем-то невероятным. К потной коже рядом с ремешком часов прилип комар. Ганси смахнул его. Один раз, в детстве, он ночевал под открытым небом. Но тогда у них были палатки. И спальники. И неподалеку стоял наготове «Ленд Ровер», на тот случай, если бы им с отцом надоело. По части ощущений это ничуть не напоминало минувшую ночь.

Ганси спросил:

– Ты записывал? Дашь конспект?

– Нет, – ответил Ронан. – Я думал, тебя убили.

Ганси сдул пыль с губ и поудобнее приложил телефон к уху. Он бы сделал конспект для Ронана.

– «Кабан» заглох. Забери меня, а?

Проезжавший мимо седан чуть притормозил, и его пассажиры уставились в окно. Ганси был симпатичным парнем, да и «Камаро» не оскорблял взгляд, но чужое внимание было вызвано вовсе не их красотой, а тем, что ученик Агленби беспомощно торчал на обочине в своей бессовестно оранжевой машине. Ганси прекрасно понимал: обитателям Генриетты, штат Вирджиния, мало что доставляло такое удовольствие, как унижение ребят из Агленби и их родных.

Ронан сказал:

– Старик, я тебя умоляю.

– Ты же не идешь на занятия. И всё равно будет перерыв...

Потом Ганси машинально добавил:

– Пожалуйста.

Ронан долго молчал. Он хорошо умел молчать, поскольку знал, что люди от этого нервничают. Но Ганси был готов к долгому пребыванию под открытым небом. В ожидании ответа Ронана он заглянул в машину, чтобы посмотреть, не осталось ли какой-нибудь еды в бардачке. Там лежал кусок вяленой говядины, однако срок годности у нее истек два года назад. Возможно, она валялась там еще до того, как он купил «кабана».

– Ты где? – наконец спросил Ронан.

– У поворота на Генриетту, на Шестидесят четвертом шоссе. Привези мне бургер. И пару галлонов бензина.

Бензин не закончился, но, в любом случае, запас не помешал бы.

– Ганси... – кисло произнес Ронан.

– И Адама тоже привези.

Ронан отключился. Ганси снял свитер и бросил его на заднее сиденье. Это крошечное пространство было забито повседневным барахлом. Там лежали: учебник по химии, записная книжка в пятнах кофе, полурасстегнутый футляр для CD, откуда диски расползлись по всему

сиденью, ну и прочие вещи, которые Ганси приобрел за полтора года жизни в Генриетте. Потрепанные карты, распечатки, неизменная тетрадь, фонарик, ивовый прут. Когда Ганси извлек из этого бардака цифровой диктофон, на сиденье спорхнул счет за пищу (одну, большую, с колбасой и авокадо) и присоединился к десятку других, отличавшихся только датой.

Всю ночь он просидел возле чудовищно современной церкви Пресвятого Спасителя, включив диктофон и наострив уши. Он ждал... чего-то. Атмосфера была, мягко говоря, не волшебная. Скорее всего, он нашел не лучшее место для контакта с будущими мертвецами, однако Ганси возлагал большие надежды на канун дня святого Марка. Не то чтобы он ожидал увидеть мертвых. Все источники гласили, что человек, который отправляется сторожить к церкви, должен обладать «вторым зрением», а Ганси едва обладал и первым, если забывал надеть линзы. Он просто надеялся...

...на что-то. И получил то, что хотел. Просто он сам еще не вполне понимал, что именно.

Держа диктофон в руке, Ганси уселся спиной к заднему колесу, чтобы машина заслоняла его от проезжавших мимо автомобилей. По ту сторону ограждения до самого леса тянулось зеленеющее поле, а за ним вздымались загадочные синие вершины гор.

На пыльном мыске собственного ботинка Ганси начертил дугообразную форму обетованной энергетической линии, которая привела его сюда. Горный ветер шумел в ушах, напоминая приглушенный крик – не шепот, а именно крик, который звучал где-то далеко и был едва слышен.

Генриетта попросту выглядела таким местом, где могло случиться волшебство. Долина как будто нашептывала ему свои секреты. Было легче поверить, что они пока не поддаются Ганси, чем в то, что их в принципе не существует.

«Просто скажи мне, где ты».

Сердце у него ныло от желания узнать ответ, и боль ничуть не слабела от того, что была труднообъяснимой.

Похожий на акулу «БМВ» Ронана Лича затормозил позади «Камаро». Его блестящий черный корпус был припорошен зеленой пылью. Ганси почувствовал ногами вибрацию стереосистемы за мгновение до того, как разобрал мелодию. Когда он поднялся, Ронан как раз вылезал из машины. На пассажирском месте сидел Адам Пэрриш, третий член четверки, которая составляла круг ближайших друзей Ганси. Над воротом свитера у Адама виднелся аккуратно завязанный узел галстука, изящная рука крепко прижимала к уху тонкий телефон Ронана.

Через открытую дверь машины Адам и Ганси обменялись беглыми взглядами. Сдвинутые брови Адама спрашивали: «Ты что-нибудь нашел?» Расширенные глаза Ганси ответили: «Не то слово».

Адам, нахмурившись, убавил звук и что-то сказал в телефон.

Ронан захлопнул дверцу – он всегда производил массу шума – и направился к багажнику. По пути он сказал:

– Мой тупой братец хочет, чтобы мы сегодня встретились с ним в «Нино». Он будет с Эшли.

– Это он звонит? – спросил Ганси. – А что за Эшли?

Ронан достал канистру с бензином из багажника, не особенно боясь запачкать одежду. Как и Ганси, он носил школьную форму Агленби, но на нем она всегда выглядела исключительно непотребно. Галстук был завязан таким образом, что выражал полнейшее презрение, а из-под свитера торчали обтрепанные полы рубашки. Улыбка у Ронана была тонкой и злой. Если его машина напоминала акулу, она, несомненно, научилась у своего хозяина.

– Последняя пассия Диклана. И ради нее мы должны выглядеть прилично.

Ганси терпеть не мог изображать пай-мальчика в присутствии Диклана, старшего брата Ронана, который учился в выпускном классе, но он понимал, почему это необходимо. Свобода

в семействе Линчей была сложным концептом, и в нынешний момент ключи от нее находились в руке у Диклана.

Ронан отдал Ганси канистру и взял диктофон.

– Он хочет, чтоб мы встретились сегодня, потому что знает, что я занят.

Топливный бак у «Камаро» был расположен под пружинной табличкой с номером, и Ронан молча наблюдал, как Ганси одновременно пытался справиться с крышкой бака, канистрой и табличкой.

– Мог бы и помочь, – сказал Ганси. – Раз уж не боишься загадить рубашку.

Ронан, без толики сочувствия, почесал коричневый струп, скрытый под пятью узловатыми кожаными шнурками, которые он носил на запястье. На прошлой неделе они с Адамом поочередно катали друг друга на багажной тележке, привязанной к «БМВ», и у обоих сохранились красноречивые отметины.

– Спроси, нашел ли я что-нибудь, – намекнул Ганси.

Вздыхнув, Ронан указал на него диктофоном.

– Ну, ты нашел что-нибудь?

Говорил он без всякого энтузиазма, но таков уж был фирменный стиль Ронана Линча. Никто и никогда не знал, насколько велик на самом деле его интерес.

Бензин медленно капал на дорогие брюки Ганси (за месяц он портил уже вторую пару). Не то чтобы он был намеренно неаккуратным – и Адам повторял ему снова и снова: «Вещи стоят денег, Ганси» – просто он как будто не сознавал последствий своих поступков, пока не становилось слишком поздно.

– Кое-что. Четыре часа записи. И там что-то есть. Но я не понимаю, что это такое.

Он указал на диктофон.

– Запусти.

Повернувшись и уставившись на шоссе, Ронан нажал «пуск». Некоторое время стояла тишина, нарушаемая только ледяным треском сверчков. Потом послышался голос Ганси.

– Ганси, – произнес он.

Снова надолго воцарилось молчание. Ганси медленно потер пальцем щербатый хром на капоте «Камаро». Ему по-прежнему было странно слышать в записи свой голос и совершенно не помнить, когда он это сказал.

А потом, как будто издалека, донесся женский голос. Едва различимый.

– И всё?

Ронан подозрительно взглянул на Ганси. Тот поднял палец: подожди. Из диктофона лились какие-то приглушенные звуки, бормотание и шипение, тише, чем раньше. Ничего внятного, кроме повторяющихся интонаций: вопросы и ответы. А потом его собственный бесплотный голос произнес:

– Всё, что есть.

Ронан бросил взгляд на Ганси, стоявшего рядом с машиной. Как завзятый курильщик, он сделал глубокий вдох через раздутые ноздри и медленно выдохнул ртом.

Ронан не курил. Но некоторые привычки достались ему от предков.

Выключив запись, он сказал:

– Эй, чувак, ты льешь бензин на штаны.

– Ты даже не спросишь меня, что происходило вокруг, когда я это записывал?

Ронан молчал. Он продолжал смотреть на Ганси, а Ганси на него.

– Ничего не происходило. Правда. Я пилился на парковку, полную насекомых, которые в такую холодную ночь должны бы спать. И всё.

Ганси сомневался, что ему удастся что-нибудь услышать на парковке, даже если он правильно выбрал место. Если верить охотникам за силовыми линиями, с которыми он общался, эти линии иногда передавали чьи-то голоса по всей своей длине, пересылая звуки за сотни

миль и десятки лет с того момента, когда их впервые услышали. Что-то вроде звуков-призраков или хаотической радиопередачи. И практически что угодно на линии могло послужить приемником. Диктофон, стереосистема, достаточно чуткие человеческие уши. Ганси, не обладавший никакими экстрасенсорными способностями, принес с собой диктофон, поскольку эти звуки зачастую можно было услышать, только прослушав сделанную запись.

Странность заключалась не в других голосах, а в голосе Ганси. Который был абсолютно уверен, что он не дух.

– Я ничего не говорил, Ронан. Всю ночь я не произносил ни слова. Как в записи оказался мой голос?

– А когда ты узнал, что он там?

– Я прослушивал запись, пока ехал обратно. Ничего, ничего, ничего и вдруг бац – мой голос. И тогда «кабан» заглох.

– Совпадение? – спросил Ронан. – Не думаю.

Он, несомненно, иронизировал. Ганси так часто твердил: «Я не верю в совпадения», что мог теперь это и не говорить.

Ганси спросил:

– Ну, что скажешь?

– Мы нашли святой Грааль, – ответил Ронан, слишком насмешливо, чтобы это можно было применить к делу.

Но факт оставался фактом: Ганси потратил четыре года на возню с мельчайшими доказательствами – и заметно воспрянул духом, услышав этот едва различимый голос. За полтора года в Генриетте он хватался за самые ненадежные слухи в поисках силовой линии – идеально прямой тропы, по которой текла незримая энергия земли, соединяя точки выхода в иной мир – и надеялся, что неуловимая могила находится рядом с ней. Это был профессиональный азарт – искать невидимую энергетическую линию. Она была... ну да, невидимой.

И чисто гипотетической. Но Ганси отказывался об этом думать. За семнадцать лет жизни он уже отыскал десятки вещей, которые, по мнению других, невозможно было найти, и твердо вознамерился добавить в свой список силовую линию, могилу и ее царственного обитателя.

Куратор музея в Нью-Мексико некогда сообщил Ганси: «Сынок, у тебя сверхъестественная способность находить всякие странные штуки». Потрясенный историк, специалист по Древнему Риму, добавил: «Ты заглядываешь под такие камушки, куда никому другому не придет в голову посмотреть». Один престарелый британский профессор сказал: «Мир выворачивает для тебя карманы, паренек». Ганси понял: главное – верить, что всё это существует. И понять, что все эти странные штуки – часть чего-то большего. Некоторые секреты открываются только тем, кто докажет свое упорство.

Ганси пришел к выводу: если у тебя есть необыкновенная способность что-то находить, значит, ты просто обязан поискать.

– О, это Пуп? – вдруг спросил Ронан.

Проезжавшая мимо машина притормозила, и они успели разглядеть любопытного водителя. Ганси был вынужден согласиться, что сидевший в машине человек и правда напоминал ехидного учителя латинского языка, бывшего питомца Агленби и злополучного обладателя имени Баррингтон Пуп. Ганси, вследствие собственного официального наименования – Ричард «Дик» Кэмпбелл Ганси Третий – спокойно относился к пижонским именам, но даже он признавал, что называться «Баррингтон Пуп» прямо-таки непростительно.

– Уж конечно, не остановился и не помог, – сердито сказал Ронан вслед машине. – Недомерок. Так что там с Дикланом?

Последняя реплика была обращена к Адаму, который вылезал из машины, держа в руке мобильник. Он протянул его Ронану, который пренебрежительно покачал головой. Ронан презирал все телефоны, включая собственный.

Адам сказал:

– Он приедет сегодня к пяти.

В отличие от Ронана, на Адаме был свитер из секонд-хенда, но Адам прилагал массу усилий, чтобы выглядеть безупречно. Он был высокий и стройный, с тонким, загорелым лицом и неровно подстриженными короткими волосами цвета пыли. Адам напоминал рисунок сепией.

– Очаровательно, – ответил Ганси. – Ты ведь с нами?

– А меня пригласили?

Адам умел быть исключительно вежливым. Когда он в чем-то сомневался, у него появлялся местный акцент. Как сейчас.

Он никогда не нуждался в приглашении. Но, видимо, они с Ронаном поругались. Неудивительно. Ронан сражался со всем, что несло на себе отпечаток общественных условностей.

– Не говори глупостей, – ответил Ганси и милостиво принял у Адама замасленный пакет с едой. – Спасибо.

– Это Ронан купил, – сказал Адам.

В денежных вопросах он быстро уступал другим и похвалы, и вину.

Ганси взглянул на Ронана, который стоял, привалившись к «Камаро», и рассеянно покусывал кожаный шнурок на запястье. Ганси сказал:

– Надеюсь, соуса там нет.

Выпустив шнурок изо рта, Ронан издевательски фыркнул.

– Я тебя умоляю.

– И маринованных огурцов, – добавил Адам, присаживаясь возле машины.

Он не только привез две небольшие канистры топливной присадки, но и тряпку, чтобы не запачкать брюки; весь процесс в его исполнении выглядел совершенно рутинным. Адам что было сил старался скрыть свои корни, но они вылезали при первой же возможности.

Ганси ухмыльнулся. Его начала постепенно охватывать радость открытия.

– Контрольный вопрос, мистер Пэрриш. Три вещи, которые указывают на близость силовой линии.

– Черные собаки, – снисходительно отозвался Адам. – Присутствие злых духов.

– «Камаро», – ввернул Ронан.

Ганси продолжал, как будто ничего не слышал:

– И привидения. Ронан, давай сюда доказательство.

Все трое стояли под утренним солнцем, пока Адам закрывал топливный бак, а Ронан перематывал запись. Далеко, над горами, пронзительно закричал краснохвостый ястреб. Ронан вновь нажал «пуск», и они услышали, как Ганси произнес собственное имя. Адам слегка нахмурился. От жары у него покраснели щеки.

Это было типичное утро последних полутора лет. Ронан и Адам к вечеру помиряются, учителя простят его за пропущенные уроки, а затем все они – Ганси, Адам, Ронан и Ной – отправятся есть пиццу, вчетвером против Диклана.

Адам сказал:

– Глянь машину, Ганси.

Оставив дверцу открытой, тот влез на водительское место. Ронан между тем включил запись с начала. Почему-то на этом расстоянии от звука нездешних голосов у Ганси медленно встали дыбом волосы на руках. Что-то в глубине души подсказывало ему, что эти безотчетные слова знаменуют начало чего-то нового, хоть он и не знал пока, чего именно.

– Ну, давай, «кабан»! – рыкнул Ронан.

Кто-то посигналил, проносясь мимо по шоссе.

Ганси повернул ключ. Мотор завелся, затих на мгновение... а затем оглушительно взревел и ожил. «Камаро» был готов прожить еще один день. Работало даже радио – заиграла песня Стиви Никс. Ганси попробовал жареную картошку, которую привезли ему друзья. Она остыла.

Адам заглянул в машину.

– Мы поедem за тобой. До школы машина еще дотянет, а за дальнейшее не поручусь, – предупредил он. – С ней по-прежнему что-то не так.

– Отлично, – громко ответил Ганси, перекрывая шум мотора.

Позади, в «БМВ», включились почти неслышные басы – Ронан утопил остатки своей души в электронной музыке.

– Итак. Есть предложения?

Адам полез в карман, достал клочок бумаги и протянул ему.

– Что это? – спросил Ганси, изучая неровный почерк.

Слова у Адама всегда выглядели так, как будто спасались бегством.

– Телефон экстрасенса?

– Если бы ты вчера ничего не нашел, мы бы с этим не торопились. А теперь тебе есть о чем спросить.

Ганси задумался. Экстрасенсы обычно говорили, что его ждет богатство и что ему суждены великие дела. Первое было абсолютной правдой, а второе, к сожалению, не исключалось. Но, быть может, новая зацепка, новый экстрасенс... вдруг они скажут ему что-нибудь еще.

– Ладно, – согласился он. – И о чем я буду спрашивать?

Адам протянул ему диктофон и задумчиво постучал пальцами по крыше «Камаро».

– Это же очевидно, – ответил он. – Мы выясним, с кем ты разговаривал.

3

Утром в доме номер 300 на Фокс-Вэй всегда царили ужас и беспорядок. Очередь в ванной, перепалка за столом из-за того, что кто-то положил в чашку лишний чайный пакетик. Блу отправлялась в школу, а наиболее продуктивные или менее прозорливые родственницы – на работу. Тосты подгорали, хлопья размокали, холодильник по несколько минут стоял открытым. Звенели ключи, и автовладельцы спешно договаривались, кто кого везет.

В процессе обязательно начинал звонить телефон, и Мора говорила: «Мироздание вызывает к тебе по второй линии, Орла» – или что-то вроде того, и тогда Джими, Орла и еще кто-нибудь из теток и подруг начинали ссориться, кто пойдет наверх к телефону. Два года назад двоюродная сестра Блу, Орла, решила, что телефонные консультации экстрасенса – это очень прибыльно, и, после нескольких стычек с Морой по поводу общественной репутации, победила. Точнее сказать, Орла дождалась, когда Мора уехала на конференцию, и тайно провела телефон. Это было не столько больное место, сколько воспоминание о больном месте. Звонки начинались с семи утра, и случались дни, когда доллар за минуту не казался чрезмерно высокой ценой.

Каждое утро бросало Блу вызов. И ей нравилось думать, что она заметно совершенствуется.

Но на следующий день после бдения у церкви Блу не пришлось силой пробиваться в ванную или собирать себе завтрак в школу, в то время как Орла роняла тосты намавленной стороной вниз. Когда она проснулась, в спальне, которую обычно заливал утренний свет, царили вечерние сумерки. В соседней комнате Орла разговаривала то ли со своим парнем, то ли с очередным клиентом, позвонившим на горячую линию. У нее вообще трудно было понять разницу. В обоих случаях у Блу потом возникало желание вымыться.

Блу без всяких проблем заняла душ и посвятила максимум внимания волосам. Они едва касались плеч – достаточно длинные, чтобы стянуть их сзади, но не настолько, чтобы это можно было проделать без помощи заколок. В результате получился неровный, лохматый хвостик с выбившимися прядями и разномастными заколками по бокам. Он выглядел эксцентрично и неопрятно. Блу изо всех сил постаралась придать ему именно такой вид.

– Мам, – сказала она, вприпрыжку спускаясь по кривой лестнице.

Мора стояла за кухонным столом и смешивала какие-то рассыпные чаи. Пахло утрашающе.

Она даже не обернулась. На столе, по обе стороны от нее, простирались целые моря, зеленые просторы трав.

– Совсем необязательно так носиться.

– Почему ты не разбудила меня в школу? – сердито спросила Блу.

– Я будила, – ответила Мора. – Дважды.

И добавила вполголоса:

– Ч-черт.

Из-за стола донесся негромкий голос Нив:

– Тебе помочь, Мора?

Она сидела там с чашкой чая, такая же пухлая и ангелоподобная на вид, как всегда. Невозможно было догадаться, что Нив не спала целую ночь. Она посмотрела на Блу, которая попыталась избежать зрительного контакта.

– Я вполне способна приготовить чертов чай для медитации, спасибо большое, – ответила Мора и добавила, взглянув на дочь: – Я позвонила в школу и сказала, что ты заболела. Особенно подчеркнула, что у тебя рвота. Завтра не забудь изображать слабость.

Блу потеряла глаза. Она никогда еще не пропускала школу после ночного дежурства у церкви. Ей, конечно, хотелось спать, но обычно она не чувствовала себя настолько опустошенной.

– Это потому что я видела его? – спросила она у Нив.

К сожалению, Блу продолжала помнить того юношу очень отчетливо. Ну или, точнее, его образ. Его пальцы, распластанные по земле. Блу хотелось это развидеть.

– Я поэтому так долго проспала?

– Потому что ты позволила пятнадцати духам пройти сквозь твоё тело, пока болтала с мертвым мальчиком, – сдержанно отозвалась Мора, прежде чем Нив успела ответить. – Во всяком случае, так мне сказали. Господи, эти листья правда должны так пахнуть?

Блу повернулась к Нив, которая продолжала жизнерадостно прихлебывать чай.

– Это правда? Я так вымоталась, потому что сквозь меня прошли призраки?

– Ты позволила им черпать у себя энергию, – сказала Нив. – У тебя ее, конечно, много, но не настолько.

Вслед за этим у Блу появились две мысли. Во-первых – «значит, у меня много энергии?». И во-вторых – «кажется, я зла». Она ведь ненамеренно позволила духам выкачивать из нее силы.

– Надо было научить девочку приемам защиты, – заметила Нив.

– Кое-чему я ее научила. Я не такая уж плохая мать, – ответила Мора, протягивая Блу чай.

Та ответила:

– Я это даже пробовать не буду. Пахнет ужасно.

И достала из холодильника йогурт. А потом, в знак солидарности с матерью, сказала Нив:

– Раньше мне никогда не приходилось себя защищать.

Нив задумчиво произнесла:

– Удивительно. Ты настолько увеличиваешь силовое поле, что я просто в толк не возьму, отчего духи не являются к тебе прямо сюда.

– Прекрати, – с раздражением сказала Мора. – Ничего страшного в мертвых нет.

Блу по-прежнему видела призрачный облик Ганси, растерянного и сломленного. Она сказала:

– Мама, насчет духов... можно сделать так, чтобы эти люди не умерли? Ну... предупредить их.

И тут зазвонил телефон. Он продолжал трезвонить, и это значило, что Орла пока занята.

– Блин, Орла! – воскликнула Мора, хотя та и не могла это услышать.

– Я отвечу, – сказала Нив.

– Но... – Мора не договорила.

Возможно, она имела в виду, что Нив обычно брала гораздо больше, чем доллар за минуту.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала мать, когда Нив вышла из кухни. – Но большинство из них умрет от сердечного приступа, рака и других вещей, которые нельзя предотвратить. Этот мальчик умрет.

Блу вновь посетило чувство, которое у нее уже было, – странная печаль.

– Сомневаюсь, что парень из Агленби скончается от инсульта. Зачем ты вообще рассказываешь об этом клиентам?

– Чтобы они могли привести дела в порядок и сделать перед смертью всё, что им хочется.

Мора повернулась и устремила на Блу понимающий взгляд. Вид у нее был впечатляющий, пусть даже она стояла на кухне босиком и в джинсах, с кружкой чая, от которого несло гнилью.

– Я не буду тебе мешать, Блу. Но учти, он не поверит, даже если ты его найдешь. И даже если он будет знать заранее, это, скорее всего, ему не поможет. Возможно, ты убережешь

мальчика от какой-нибудь глупости. А возможно, просто испортишь ему последние месяцы жизни.

– Ты прямо как Полианна, – огрызнулась Блу.

Но она знала, что Мора права, хотя бы отчасти. Большинство из тех, кого Блу знала, полагали, что ее мать зарабатывает на жизнь салонными фокусами. И что в любом случае она могла сделать? Найти некоего ученика из Агленби, постучать в окно «Лексуса» и предупредить, чтобы он проверил тормоза и дату страховки?

– Я, скорее всего, не смогу воспрепятствовать вашей встрече, – продолжала Мора. – Если Нив права насчет того, почему ты его увидела. Ваша встреча предначертана судьбой.

– Судьбой, – повторила Блу, сердито глядя на мать. – Это слишком громкое слово, чтобы швыряться им перед завтраком.

– Все в этом доме позавтракали уже давным-давно, – сказала Мора.

Ступеньки заскрипели. Это возвращалась Нив.

– Кто-то ошибся номером, – бесстрастно сказала она. – У вас много таких?

– Наш телефон только одной цифрой отличается от телефона компании эскорт-услуг, – ответила Мора.

– А. Теперь понятно. Блу, – продолжила она, вновь усаживаясь за стол, – если хочешь, я попытаюсь понять, от чего он умрет.

Мора и Блу немедленно взглянули на нее.

– Да, – произнесла Блу.

Мора собиралась что-то сказать, но затем просто сжала губы.

Нив спросила:

– Есть виноградный сок?

Удивленная Блу подошла к холодильнику и вопросительно подняла кувшин.

– Виноградно-клюквенный сгодится?

– Вполне.

Мора, всё еще с непонятным выражением лица, полезла в шкаф и достала темно-синюю миску для салата. Она со стуком поставила ее перед Нив.

– Я не стану отвечать за то, что ты увидишь, – предупредила Мора.

Блу спросила:

– Что это значит?

Женщины промолчали.

Слегка улыбнувшись, Нив наполнила миску соком до краев. Мора выключила свет. По сравнению с сумерками на кухне мир за окном вдруг показался таким ярким. Цветущие деревья прижимались к окнам, зеленые листья распластывались по стеклу, и Блу вдруг с особой остротой ощутила, что окружена деревьями. Как будто она находилась посреди замершего леса.

– Если хочешь смотреть, пожалуйста, не шуми, – заметила Нив, ни на кого не глядя.

Блу подтянула стул и села. Мора облокотилась на стол и скрестила руки. Это было редкое зрелище: она явно расстроилась, но ничего не предпринимала.

Нив спросила:

– Напомни, как его звали?

– Он сказал – Ганси.

Блу почему-то было неловко произносить это имя. Сама мысль о том, что, возможно, его жизнь и смерть зависят от нее, как будто возложила на Блу ответственность за символическое присутствие Ганси в этой кухне.

– Вполне достаточно.

Нив наклонилась над миской, шевеля губами. В миске медленно двигалось ее темное отражение. Блу продолжала думать над словами Мора: «Я не стану отвечать за то, что ты увидишь».

То, что они с Нив увидели, показалось ей серьезнее, чем обычно. Не просто игра природы; скорее, религия.

Наконец Нив что-то забормотала. Хотя Блу ничего не поняла в этих невнятных звуках, на лице Мора мелькнуло выражение торжества.

– Так, – сказала Нив. – Кое-что есть.

Она произнесла это с ударением на последнем слове, и Блу поняла, что будет дальше.

– Что ты увидела? – спросила она. – Как он умер?

Нив не сводила глаз с Мора. Она одновременно и отвечала, и задавала вопрос.

– Я увидела его. А потом он исчез. Ушел в абсолютное ничто.

Мора всплеснула руками. Блу хорошо знала этот жест. Мать делала его, кладя конец спору, после того как ей удавалось произнести решающий аргумент. Но на сей раз решающий аргумент находился в миске с виноградно-клюквенным соком, и Блу понятия не имела, что это означало.

Нив сказала:

– Только что он был там, а потом вдруг пропал.

– В Генриетте такое бывает, – сказала Мора. – Здесь есть место... или места... которые я не вижу. А иногда... – она не смотрела на Блу, и та поняла, что мать очень старается не смотреть на нее, – а иногда вижу то, чего совсем не ожидала.

Блу припомнила бесчисленные случаи, когда Мора настаивала, что они должны остаться в Генриетте, пусть даже жизнь там становилась всё дороже и появлялись возможности перебраться. Блу однажды обнаружила на мамином компе пачку писем; один из клиентов страстно умолял Мору взять с собой Блу и «всё остальное, без чего вы не можете жить» и перебраться к нему в Балтимор. В ответ Мора строго сообщила, что это невозможно по многим причинам, из которых главная – что она не желает покинуть Генриетту, а наименьшая – что он, быть может, маньяк с топором. Клиент прислал в ответном письме всего лишь грустный смайлик. Блу потом долго гадала, что с ним случилось.

– Я хочу знать, что ты видела, – сказала Блу. – Что значит «ничто»?

Нив ответила:

– Я следовала за юношей, которого мы видели вчера ночью, к его смерти. Я почувствовала, что по времени она близка... но затем он исчез, скрылся в каком-то месте, которое я не смогла разглядеть. Не знаю, как объяснить. Мне показалось, что это я сама.

– Нет, – возразила Мора и пояснила, увидев любопытство на лице Блу: – Бывает, на экране телевизора нет картинки, но ты понимаешь, что он включен. Вот на что это похоже. Впрочем, раньше я никогда не видела, чтобы человек туда уходил...

– Ну а он ушел. – Нив оттолкнула миску от себя. – Ты сказала, что это не всё. Что еще оно мне покажет?

Мора ответила:

– Каналы, которые не входят в основной пакет.

Нив стукнула своими красивыми пальцами по столу – один раз – и сказала:

– Раньше ты мне об этом не говорила.

– Мне казалось, что это не относится к делу, – произнесла Мора.

– Место, где могут исчезать молодые люди, к делу вполне относится. И умения твоей дочери – тоже. – Нив устремила свой вечный взгляд на Мору.

Та оттолкнулась от стола и подошла к окну.

– Мне надо на работу, – наконец сказала Блу, поняв, что разговор окончен.

Отражение листьев за окном медленно затрепетало в миске, по-прежнему напоминая лес, хотя и смутно.

– Ты пойдешь в этом? – поинтересовалась Мора.

Блу посмотрела на себя. На ней было надето несколько тонких рубашек, в том числе та, которую она видоизменила, изрезав почти в лоскуты.

– А в чем проблема?

Мора пожала плечами.

– Ни в чем. Я всегда мечтала об оригинальной дочери. Просто до сих пор не вполне понимала, в какой мере сбылись мои злобные замыслы. Ты сегодня допоздна?

– До семи. Ну или чуть подольше. У Сиалины смена до полвосьмого, но она всю неделю твердила, что брат купил ей билеты на «Вечер», и если кто-нибудь подменит ее на последние полчаса...

– Ты не смогла отказать. Что такое «Вечер»? Тот фильм, где девушек убивают топорами?

– Именно.

Блу доела йогурт и мельком взглянула на Нив, которая по-прежнему, нахмурившись, смотрела на миску с соком, стоявшую за пределами досягаемости.

– Ладно, я пошла.

Она отодвинула стул. Мора молчала, и это тяжелое молчание было красноречивей всяких слов. Блу не спеша отнесла баночку из-под йогурта в мусорное ведро, бросила ложку в раковину и развернулась, чтобы пойти наверх и обуться.

– Блу, – наконец сказала Мора. – Тебя ведь не надо предупреждать, чтобы ты никого не целовала, правда?

4

Адам Пэрриш был другом Ганси вот уже полтора года – и знал, что эта дружба накладывает определенные обязательства. А именно, ему приходилось верить в сверхъестественное, терпеть сложные отношения Ганси с деньгами и сосуществовать с остальными его друзьями. Первые два пункта представляли проблему, только если что-то случалось за пределами Агленби, а последний – если речь шла о Ронане Линче.

Ганси когда-то сказал Адаму, что большинство людей просто не умеют обращаться с Ронаном. Иными словами, он боялся, что в один прекрасный день кто-нибудь упадет на Ронана и поранится.

Иногда Адам гадал, был ли Ронан таким до того, как у него умер отец, но в те времена с ним был знаком только Ганси. Точнее, Ганси и Диклан, но последний, казалось, теперь тоже был не в состоянии справиться с братом – вот почему он постарался запланировать свой визит на такое время, когда Ронан отсутствовал.

Адам ждал на площадке второго этажа, вместе с Дикланом и его девушкой. Девушка, окутанная шуршащим белым шелком, выглядела точь-в-точь как Брианна, или Кейли, ну или как там звали последнюю пассию Линча-старшего. Они все были блондинками, с волосами до плеч, с бровями в тон черным кожаным ботинкам Диклана. Сам Диклан – в строгом костюме, согласно правилам для учеников выпускного класса, избравших политическую карьеру, – выглядел лет на тридцать.

Адам задумался, будет ли он сам выглядеть в костюме так же официально или возраст подведет его и сделает смешным.

– Спасибо, что встретил нас, – сказал Диклан.

– Не за что, – ответил Адам.

В самом деле, причина, по которой он согласился прогуляться с Дикланом и Девушкой от самого Агленби, не имела ничего общего с добротой и была связана исключительно с интуицией, которая не давала Адаму покоя. В последнее время ему казалось, что кто-то... наблюдает за их поисками силовой линии.

Он сам не знал, как облечь это ощущение в конкретные слова. Чей-то взгляд, перехваченный краем глаза, тихие шаги на лестнице, которые не принадлежали никому из ребят, слова библиотекаря, заметившего, что кто-то спросил книгу по эзотерике сразу после того, как Ганси и Адам ее вернули. Впрочем, он не хотел беспокоить Ганси, пока окончательно не убедится. У того и так хватало проблем.

Адам даже не задумывался, шпионит за ними Диклан или нет. Он и так знал, что, конечно, шпионит. Однако он не сомневался, что это связано с Ронаном, а не с силовой линией. И все-таки не помешало бы понаблюдать.

Прямо сейчас Девушка украдкой поглядывала по сторонам (что именно поэтому было трудно не заметить). Дом по адресу «Монмут, 1136» представлял собой ненасытного вида кирпичное строение, разоренное, с черными провалами окон, которое возвышалось над заросшей парковкой, занимавшей почти целый квартал. Об изначальном предназначении этого здания свидетельствовала надпись на восточной стене: «Монмутская фабрика». Однако, как Ганси и Адам ни старались, им не удалось выяснить, что именно здесь производили. Что-то, для чего были нужны восьмиметровые потолки и просторные помещения; что-то, от чего остались влажные потеки на полу и дыры в кирпичных стенах. Что-то, в чем мир больше не нуждался.

Шагая по лестнице на второй этаж, Диклан шепотом излагал всё это Девушке, а она нервно хихикала, как будто с ней делились секретом. Адам заметил, как губы Диклана во время разговора легонько коснулись уха Девушки; он отвернулся в ту самую секунду, когда Диклан взглянул на него.

Адам очень хорошо умел наблюдать, оставаясь незамеченным. Только Ганси мог его застукать.

Девушка указала на треснутое окно, выходившее на парковку. Диклан проследил ее взгляд и увидел черные, агрессивные линии, которые оставили там колеса машин Ганси и Ронана. Лицо у него помрачнело; даже если бы это всё натворил один Ганси, Диклан предположил бы, что это был Ронан.

Адам уже стучал – но он постучал еще раз, условленным образом, один долгий, два коротких.

– Там не прибрано, – извиняющимся тоном произнес он.

Это было сказано скорее ради Девушки, чем ради Диклана, который прекрасно знал, в каком состоянии квартира. Диклан отчего-то считал бардак привлекательным для посторонних; он производил какие-то расчеты. Его интересовала невинность Эшли, и каждый сегодняшний шаг был спланирован именно с этой целью, даже короткая остановка на Монмутской фабрике.

Никто не ответил.

– Может, я позвоню? – спросил Диклан.

Адам подергал ручку (заперто), а потом уперся в нее коленом и немного приподнял дверь. Она распахнулась. Девушка издала одобрительный звук, однако успех этого предприятия зависел скорее от ржавых петель, чем от силы мышц.

Они вошли в помещение, и Девушка запрокинула голову. Над ними уходил ввысь потолок, который поддерживали железные балки. Апартаменты Ганси представляли собой лабораторию мечтателя. Перед ними простирался весь второй этаж, площадью в несколько тысяч футов. Две стены состояли сплошь из старых окон – десятки крошечных кривых стекол и всего несколько нормальных – а другие две были увешаны картами. Горы Вирджинии, Уэльса, европейских стран... Их испещряли проведенные фломастером дугообразные линии. В небо на западе был устремлен телескоп. У его подножия грудями лежали странные электронные приборы, предназначенные для измерения магнитной активности.

И всюду, всюду лежали книги. Не аккуратные стопки интеллектуала, долженствующие впечатлить гостей, а неуклюжие груды сумасшедшего ученого. Книги на иностранных языках. Словари тех языков, на которых были написаны эти книги. А еще подшивки спортивных журналов с супермоделями в купальниках.

У Адама возникло знакомое ощущение. Не ревность. Желание. Однажды у него тоже будет достаточно денег, чтобы приобрести такой дом. Дом, который снаружи выглядел бы точно так же, как Адам внутри.

Тихий голос в душе поинтересовался, приобретет ли Адам хоть когда-нибудь внутреннее достоинство или с этим нужно родиться. Ганси был таким, потому что с самого детства жил в роскоши – как виртуоз, которого сажают за рояль, едва он научится сидеть.

Адам, парвеню и самозванец, до сих пор боролся со своим неуклюжим местным акцентом и хранил мелочь в коробке из-под хлопьев под кроватью.

Стоя рядом с Дикланом, Девушка прижала руки к груди, в бессознательной реакции на мужскую наготу. В данном случае обнаженной была вещь, а не человек – кровать Ганси. Ничего, кроме кое-как застеленных двух матрасов на голой металлической раме, откровенно стоящей посреди комнаты. Полное отсутствие приватности придавало этому зрелищу нечто глубоко интимное.

Сам Ганси сидел за старым столом, повернувшись к ним спиной. Он смотрел в окно, выходившее на восток, и постукивал ручкой. Перед ним лежала открытой толстая тетрадь. Страницы были оклеены вырезками из книг и густо испещрены записями.

Адама, как это иногда случалось, потряс вневременной облик Ганси: старик в теле юноши или юноша с умом старика.

– Это мы, – сказал Адам.

Ганси не ответил, и Адам первым подошел к другу, который как будто ничего вокруг не замечал. Девушка издала несколько междометий, которые все начинались с «о». С помощью коробок из-под хлопьев, пластмассовых контейнеров и краски Ганси возвел в центре комнаты точную копию Генриетты, по колению высотой, поэтому гости были вынуждены пройти по Главной улице, чтобы добраться до стола. Адам знал правду: эти здания были симптомом бессонницы. Во время очередной бессонной ночи появлялась новая стена.

Адам остановился перед Ганси. Вокруг сильно пахло мятой: тот рассеянно жевал листок. Адам постучал по наушнику в правом ухе Ганси. Друг испуганно вздрогнул и вскочил.

– О... привет.

Как всегда, у него был вид героя всех американских войн – растрепанные каштановые волосы, прищуренные от летнего солнца ореховые глаза, прямой нос, любезно дарованный ему древними англосаксонскими предками. Буквально всё в Ганси говорило о доблести, власти и крепком рукопожатии.

Девушка уставилась на него.

Адам хорошо помнил, что при первой встрече Ганси показался ему устрашающим. Как будто их было двое – первый обитал внутри постоянно, а второй надевался сверху поутру, когда Ганси клал бумажник в задний карман брюк. Первый был беспокойным и страстным и не обладал никаким характерным выговором, а второй буквально источал скрытую силу и разговаривал с гладким, красивым акцентом, присущим выходцам из аристократических семей Вирджинии. Для Адама было загадкой, отчего две эти версии не совмещались.

– Я не слышал, как вы вошли, – сказал Ганси, и они с Адамом стукнулись сжатыми кулаками.

В исполнении Ганси этот жест был одновременно очаровательным и неловким, как произнесенная на незнакомом языке фраза.

– Эшли, это Ганси, – сказал Диклан приятным нейтральным тоном.

Таким голосом сообщают о торнадо и приближении холодного фронта. О побочных эффектах маленьких синих таблеток. О технике безопасности на борту лайнера номер 747, которым мы летим. Диклан добавил:

– Дик Ганси.

Если Ганси и подумал, что подружки Диклана вполне взаимозаменяемы, то не выказал этого. Он просто поправил, добавив в голос капельку льда:

– Как тебе известно, Дик – это мой отец. А я просто Ганси.

Эшли с удивлением взглянула на него.

– Дик?

– Традиционное имя, – ответил Ганси, с усталым видом человека, которому надоело, когда его переспрашивают. – Я стараюсь на него не отзываться.

– Ты учишься в Агленби? Супер. А почему ты не живешь в школе? – спросила Эшли.

– Потому что всё это здание принадлежит мне, – ответил Ганси. – И это гораздо выгоднее, чем платить за комнату в общежитии. Ее нельзя продать, после того как окончишь школу. Считай, деньги пропали.

Дик Ганси Третий терпеть не мог, когда ему говорили, что он похож на Дика Ганси Второго, но прямо сейчас он действительно на него походил. Оба, когда хотели, наряжали логику в изящный клетчатый жилетик и выгуливали на аккуратном коротком поводке.

– Господи... – произнесла Эшли и посмотрела на Адама.

Долго ее взгляд не задержался, но, тем не менее, Адам вспомнил, что свитер у него на плече протерся.

«Ничего страшного. Она туда не смотрит. Никто, кроме тебя, этого не замечает».

Адам с некоторым усилием расправил плечи, жалея, что школьная форма сидит на нем не так безыскусно, как на Ганси и Ронане.

– Эш, ты просто не представляешь, почему Ганси поселился именно здесь, – сказал Диклан. – Расскажи ей, парень.

Ганси не мог устоять. Ему всегда страстно хотелось поговорить о Глендауэре. Поэтому он спросил:

– А что ты знаешь про валлийских королей?

Эшли поджала губы, пощипывая пальцами кожу на горле.

– Хм... Левеллин. Глендауэр. Лорды Английской марки.

Улыбка на лице Ганси вполне могла воспламенить угольные копи. Адам понятия не имел о Левеллине и Глендауэре, когда они с Ганси познакомились. Тому пришлось объяснить, что Овайн Глендур – или Оуэн Глендауэр, как говорили англичане, – был средневековым валлийским лордом, который боролся за свободу Уэльса, а затем, когда его поимка казалась неизбежной, просто исчез со страниц истории.

Но Ганси всегда был не прочь рассказать об этом еще раз. Он повествовал о древних событиях, как будто они произошло совсем недавно. Ганси с восторгом говорил о магических знамениях, которые сопровождали рождение Глендауэра, о его легендарной способности становиться невидимым, о невероятных победах над превосходящим противником и, наконец, о загадочном исчезновении. Слушая Ганси, Адам видел зеленое подножье валлийских холмов, широкую сверкающую гладь реки Ди, суровые северные горы, в которых скрылся Глендауэр.

В рассказах Ганси Овайн Глендур не мог умереть.

Адам слушал, и ему было совершенно ясно, что для Ганси Глендауэр – больше, чем историческое лицо. Он воплощал буквально всё – мудрость и смелость, уверенность в избранном пути, связь с мистическими силами, общее уважение, оставшуюся в веках память.

Ганси, вновь погружившийся в очарование древних тайн, совсем разошелся. Он спросил у Эшли:

– Ты слышала легенды о спящих королях? Что герои вроде Левеллина, Глендауэра и короля Артура на самом деле не умерли – они просто спят в своих гробницах и ждут пробуждения.

Эшли вяло моргнула и ответила:

– Мне кажется, это метафора.

Может, она была и не такой тупой, как они думали.

– Возможно, – ответил Ганси и шикарным жестом указал на карты, исчерченные линиями силы, вдоль которых, как он полагал, перемещался Глендауэр.

Схватив лежавшую на столе тетрадь, он стал перебирать карты и вырезки в качестве примеров.

– Я полагаю, что тело Глендауэра перевезли в Новый Свет. А именно – сюда. В Вирджинию. Я хочу найти, где он похоронен.

К большому облегчению Адама, Ганси умолчал о том, что, по его убеждению, легенды гласили правду и спустя столько веков Глендауэр был еще жив. И о том, что, по мнению Ганси, он должен был оказать большую услугу тому, кто его разбудит. И о том, что желание найти давно пропавшего короля не давало ему покоя. И о полуночных звонках Адаму, когда Ганси, помешанному на поисках, не спалось. О микрофильмах и музеях, о газетных статьях и металлоискателях, о бонусах постоянного пользователя авиалиний и о потрепанных иностранных разговорниках.

И обо всем, что касалось магии и силовых линий.

– С ума сойти, – сказала Эшли, не сводя глаз с тетради. – А с чего ты взял, что он здесь?

На этот вопрос можно было ответить двумя способами. Первый способ основывался исключительно на исторических данных и вполне подходил для широкой публики. Другой

предполагал упоминание о волшебных лозах и магии. Иногда, в неудачные дни, Адам верил в первый вариант, и то не до конца. Но быть другом Ганси значило надеяться на второй. В этом, к большой досаде Адама, преуспевал Ронан: его вера в сверхъестественное объяснение была непоколебима. А вере Адама недоставало полноты.

Эшли, то ли потому, что на нее смотрели как на нечто преходящее, то ли потому, что сочли скептиком, удостоилась исторической версии. Профессорским тоном Ганси рассказал про валлийские топонимы в окрестностях, про артефакты пятнадцатого века, обнаруженные при раскопках в Вирджинии, и про мнение ученых касательно того, что валлийцы, возможно, бывали в доколумбовой Америке.

Примерно на середине лекции из тщательно прибранной комнатки по соседству с бывшим кабинетом, который захватил себе Ронан, появился Ной – третий обитатель Монмутской фабрики, обычно склонный к отшельничеству. Кровать Ноя соседствовала в этом крохотном помещении с каким-то загадочным механизмом – Адам подозревал, что это печатный станок.

Ной, войдя в зал, не столько улыбнулся Эшли, сколько вылупил на нее. Он побаивался незнакомых.

– Это Ной, – сказал Диклан таким тоном, который подтвердил подозрения Адама: Монмутская фабрика и ее обитатели входили в туристический маршрут Диклана и Эшли и могли послужить предметом для беседы за ужином.

Ной протянул руку.

– Ой, какая холодная, – пожав ее, сказала Эшли и потерла пальцы о блузку.

– Я семь лет как умер, – сказал Ной. – Ничего не поделаешь.

Ной, в отличие от своей девственно-чистой комнаты, всегда выглядел немного неопрятно. Что-то вечно было не так с одеждой, с зачесанными назад светлыми волосами. Мятая школьная форма Ноя отчасти избавляла Адама от ощущения, что он один тут выглядит неуместно. Было трудно чувствовать себя частью Агленби, стоя рядом с Ганси, чья белая крахмальная сорочка в стиле Джорджа Вашингтона стояла дороже, чем велосипед Адама (а кто говорит, что рубашка, сшитая умелым итальянским портным, ничем не отличается от купленной в магазине, просто никогда таковую не видел). Или даже рядом с Ронаном, который потратил девятьсот долларов на татуировку, просто чтобы позлить брата.

Угодливый смешок Эшли прервался, когда открылась дверь спальни Ронана. Лицо Диклана заволочла грозовая туча.

Ронан и Диклан Линчи были братьями – одинаковые темные волосы и острые носы не оставляли сомнений, – но Диклан был массивным, а Ронан хрупким. Крупная челюсть и улыбка Диклана гласили: «Голосуй за меня», а стриженная голова и тонкие губы Ронана намекали: «Это растение ядовито».

– Ронан, – произнес Диклан.

Когда они разговаривали с Адамом по телефону, Диклан поинтересовался: «Когда Ронана НЕ будет?»

– Я думал, ты играешь в теннис.

– Я играл, – ответил Ронан.

Ненадолго наступило молчание. Диклан обдумывал, что сказать в присутствии Эшли, а Ронан наслаждался эффектом, который произвела эта неловкая пауза на его брата. Двое Линчей (всего в Агленби их училось трое) воевали, сколько Адам их знал. В отличие от большинства людей, Ганси предпочитал Ронана его старшему брату. Иными словами, он сделал свой выбор. Адам подозревал, что Ганси любил Ронана, поскольку тот даже в худшие дни оставался искренним, а Ганси полагал, что честность дороже золота.

Диклан промедлил лишнюю секунду, упустив возможность заговорить, и Ронан скрестил руки на груди.

– Ну и парень у тебя, Эшли. Ты проведешь с ним отличную ночь, а завтра отличную ночь с ним проведет другая девушка.

Высоко над головами муха билась о стекло. За спиной у Ронана медленно закрылась дверь его комнаты, обклеенная штрафами за превышение скорости.

Рот Эшли превратился в букву «о», слегка свороченную набок. Опоздав ровно на мгновение, Ганси ткнул Ронана в плечо. И сказал:

– Он просит прощения.

Эшли медленно закрыла рот. Она моргнула, глядя на карту Уэльса, и вновь посмотрела на Ронана. Тот выбрал идеальное оружие – чистую правду, не смягченную добротой.

– Мой брат... – начал Диклан.

И не договорил. Всё, что могло быть о нем сказано, Ронан уже доказал. Поэтому Диклан произнес:

– Нам пора. Ронан, я надеюсь, ты подумаешь...

И вновь ему не хватило слов, чтобы закончить фразу. Всё самое хлесткое перехватил брат.

Диклан схватил Эшли за руку, отвлекая ее внимание от брата, и потащил к двери.

– Диклан, – начал Ганси.

– Даже не пытайся как-то это приукрасить, – предупредил тот.

Когда оба вышли на крохотную лестничную площадку и начали спускаться, до Адама донеслись отдельные фразы (Диклан ликвидировал последствия):

– Я предупреждал, что у Ронана проблемы, я очень надеялся, что его тут не будет, он первым увидел папу, и у него поехала крыша, поедем лучше перекусим, ты не ничего не имеешь против омаров?

Как только закрылась дверь, Ганси сказал:

– Ронан, ради бога.

Выражение лица у Ронана по-прежнему было взрывоопасное. Его кодекс чести не предполагал никакой неверности, никаких случайных отношений. Он их не то что не оправдывал – он их просто не понимал.

– Значит, он распутный. Это не твоя проблема, – сказал Ганси.

А Ронан, с точки зрения Адама, не был проблемой Ганси, но они уже как-то об этом спорили.

Ронан приподнял тонкую, как бритва, бровь.

Ганси закрыл тетрадь.

– Со мной это не пройдет. Она не имеет никакого отношения к вашим разборкам.

Последние слова он произнес таким тоном, как будто речь шла о каком-то физическом объекте, который можно было взять и разглядеть со всех сторон.

– Ты обошелся с ней грубо. И выставил нас в невыгодном свете.

Ронан как будто был пристыжен, но Адам знал, что это иллюзия. Ронан совершенно не стыдился своего поведения; жалел он лишь о том, что Ганси был здесь и видел его. Отношения между братьями были всеобъемлюще скверными; для чувств других людей они просто не оставляли места.

Но, разумеется, Ганси, как и Адам, это знал. Он провел большим пальцем по нижней губе. Это была привычка, в которой он как будто не отдавал себе отчет и о которой Адам никогда ему не говорил. Перехватив взгляд Адама, Ганси сказал:

– Блин, ну и мерзко я себя чувствую. Ладно. Пошли в «Нино». Закажем пиццу, потом я позвоню этой гадалке, и всё как-нибудь само уладится.

Вот почему Адам прощал того поверхностного, лощеного Ганси, с которым некогда познакомился. Благодаря деньгам и доброму семейному имени, красивой улыбке и веселому смеху, умению любить и быть любимым (хоть Ганси и боялся, что это не так), он мог завести

столько друзей, сколько вздумается. Но ограничился тремя. Выбрал трех человек, которые в противном случае, по трем разным причинам, остались бы одиноки.

– Я никуда не пойду, – сказал Ной.

– Хочешь еще немножко побыть один? – поинтересовался Ронан.

– Ронан, – перебил Ганси. – Меч в ножны. Ной, мы же не заставляем тебя есть. Адам?

Адам рассеянно взглянул на него. От выходки Ронана его мысли перешли к интересу, который Эшли проявила к тетради. Он подумал, что, может быть, когда люди сталкиваются с Ганси и его помешательством, у них пробуждается не только банальное любопытство. Конечно, Ганси сказал бы, что Адам слишком подозрителен, что он без нужды старается держать в тайне поиски, которыми сам Ганси был не прочь поделиться с остальными.

Но Ганси и Адам искали Глендауэра по разным причинам. Ганси тосковал по нему, как король Артур по Граалю. Его влекло отчаянное, хотя и смутное желание принести миру пользу, сделать так, чтобы жизнь заключала в себе не только вечеринки с шампанским и белые воротнички. Это было трудновыразимое стремление разрешить спор, который шел где-то в глубине души Ганси.

Адам, со своей стороны, хотел получить королевский подарок.

А значит, именно они должны были разбудить Глендауэра. Именно они должны были найти его первыми.

– Пэрриш, – повторил Ганси. – Пошли.

Адам поморщился. Он подозревал, что характер Ронана не улучшишь пиццей.

Но Ганси уже схватил ключи от машины и зашагал к двери, обходя миниатюрную Генриетту. Пусть Ронан ворчал, Ной вздыхал, а Адам медлил, он даже не обернулся, чтобы убедиться, что они все идут за ним. Он знал, что они идут. Тремя разными способами Ганси завоевывал их доверие – днями, неделями, месяцами, и теперь они готовы были следовать за ним куда угодно.

– Excelsior, – произнес Ганси и закрыл дверь.

5

Баррингтон Пуп чувствовал себя не слишком бодро, когда брел по коридору Уитмен-хауса, административного корпуса школы Агленби. Было пять часов, учебный день давно закончился, и Пуп приехал только для того, чтобы забрать домашние работы, которые нужно было проверить к следующему дню. Вечерний свет лился в высокие, состоящие из многих стеклянных панелей окна слева; справа доносился гул голосов из кабинетов. В это время суток старые здания напоминали музей.

– Баррингтон, а я думал, у вас сегодня выходной. Ужасно выглядите. Вы больны?

Пуп не сразу сформулировал ответ. Что касалось любых целей и задач, он и впрямь был не здесь. Вопрос исходит от чистюли Джоуны Майло, который преподавал английский старшекласникам. Несмотря на пристрастие к клетчатым рубашкам и узким вельветовым брюкам, Майло был довольно терпим, однако Пуп не собирался обсуждать с ним свое утреннее отсутствие. Канун дня святого Марка начал обретать в его глазах прелесть традиции – традиции, которая предполагала, что почти до самого рассвета он пил, а затем засыпал на кухонном полу. В этом году у Пупа хватило здравого смысла взять отгул. Преподавать латынь ученикам Агленби само по себе было наказанием. А преподавать ее с похмелья – настоящей пыткой.

Наконец, в качестве ответа, Пуп просто потряс неуклюжей стопкой написанных от руки домашних работ. У Майло глаза полезли на лоб при виде имени на верхнем листке.

– Ронан Линч! Это его работа?

Перевернув стопку, чтобы прочитать имя, Пуп признал, что так оно и есть. В ту же минуту несколько мальчишек, спешивших на тренировку, пробежали мимо, столкнув его с Майло. Скорее всего, ученики даже не поняли, что ведут себя невежливо: Пуп был чуть старше их, и комически крупные черты придавали ему особенно моложавый вид. Его до сих пор можно было спутать со школьником.

Майло отлепился от Пупа.

– Как вы вообще добываетесь того, чтобы он ходил на уроки?

При упоминании о Ронане Линче в душе у Пупа что-то перевернулось. Потому что речь никогда не шла о Ронане как таковом – только как об одном из неразлучной троицы: Ронан Линч, Ричард Ганси и Адам Пэрриш. Все мальчики в классе Пупа были богаты, самоуверенны и высокомерны, но эти трое, сильнее чем кто-либо, напоминали ему о том, чего он лишился.

Пуп попытался вспомнить, пропустил ли Ронан хоть одно занятие. Учебные дни слились, превратившись в один бесконечно долгий день, который начался, когда Пуп припарковал свою дряхлую машину рядом с шикарными автомобилями учеников Агленби, протолкался сквозь толпу беспечных, смеющихся мальчишек и встал перед учениками, которые в лучшем случае смотрели на него стеклянными глазами, а в худшем – откровенно глумились. Пуп, одинокий и истерзанный, никак не мог позабыть, что некогда был одним из них.

«Когда моя жизнь превратилась вот в это?»

Пуп пожал плечами.

– Не помню, чтобы он прогуливал.

– Впрочем, он ведь приходит вместе с Ганси? – спросил Майло. – Тогда понятно. Эти двое – как ниточка с иголкой.

Это было странное, старомодное выражение, которое Пуп не слышал с тех пор, как сам учился в Агленби и, в свою очередь, был неразлучен с другом и соседом по комнате, Черни. Он ощутил пустоту внутри, словно от голода. Нужно было остаться дома и выпить побольше, чтобы почтить этот злополучный день.

Он вернулся в настоящее, глядя на список присутствующих, который оставил ему заместитель.

– Ронан сегодня был на занятиях, а Ганси нет. Во всяком случае, на мой урок он не пришел.

– Наверно, из-за всей этой движухи вокруг дня святого Марка, про которую он говорил, – заметил Майло.

У Пупа сразу включилась голова. Никто не знал, что сегодня день святого Марка. Никто его не праздновал, даже мать святого Марка. Только Пуп и Черни, охотники за сокровищами и нарушители порядка, знали о его существовании.

– Что-что? – переспросил Пуп.

– Я не понимаю, что происходит, – признался Майло.

Кто-то из учителей поздоровался с ним, выходя из учительской, и Майло посмотрел через плечо, чтобы ответить. Пупу захотелось схватить коллегу за руку и силой вернуть себе его внимание. Но пришлось собрать волю в кулак и ждать. Повернувшись к Пупу, Майло как будто ощутил его интерес и добавил:

– А с вами Ганси не говорил? Он со вчерашнего дня не замолкает. Постоянно твердит об этих своих силовых линиях.

Силовые линии.

Никто не знал про день святого Марка, и совершенно точно никто не знал про силовые линии. Никто во всей Генриетте. Этого никак не мог знать и один из богатейших учеников Агленби. Особенно в сочетании с днем святого Марка. Это была цель Пупа, сокровище Пупа, его юность. С какой стати об этом трепался Ричард Ганси Третий?

Когда прозвучали слова «силовые линии», возникло и воспоминание: Пуп в густом лесу, с каплями пота на верхней губе. Ему было семнадцать, и он весь дрожал. При каждом биении сердца перед глазами у него вспыхивали алые линии, а деревья темнели. Казалось, листья двигались, хотя ветра не было. Черни лежал на земле. Он еще не умер – но умирал. Его ноги продолжали елозить по неровной земле рядом с красной машиной, сгребая палые листья в кучи. Лица... просто не было. В голове у Пупа шипели и перешептывались потусторонние голоса, слова сливались и растягивались.

– Какой-то источник энергии или типа того, – сказал Майло.

Пуп вдруг испугался, что Майло увидит его воспоминания, услышит загадочные голоса в голове, невнятные, но, тем не менее, не умолкавшие с того самого рокового дня.

Пуп принял спокойный вид, хотя на самом деле думал: «Если ищет кто-то еще, значит, я был прав. Оно там».

– Ну и что Ганси собирается делать с этой силовой линией? – поинтересовался он с наигранным равнодушием.

– Не знаю. Спросите у него. Он охотно прожужжит вам все уши.

Майло посмотрел через плечо, когда в коридор вышла секретарша, с сумочкой и жакетом в руках. Тушь у нее размазалась после долгого рабочего дня.

– Мы говорим о Ганси Третьем и его эзотерическом помешательстве? – уточнила секретарша.

В пучок, чтоб волосы не рассыпались, у нее был заткнут карандаш, и Пуп уставился на обвившиеся вокруг него прядки. Ему было ясно – судя по тому, как она стояла, – что втайне эта женщина находила Майло привлекательным, невзирая на клетчатую рубашку, плисовые брюки и бороду. Она спросила:

– А вы знаете, сколько стоит старший Ганси? Интересно, он в курсе, чем занимается его сын? Господи, иногда мне от этих мелких богатеньких ублюдков просто хочется умереть. Джоуна, вы пойдете со мной покурить или нет?

– Я пас, – сказал Майло.

Он быстро и смущенно перевел взгляд с секретарши на Пупа, и Пуп понял, что Майло задумался о том, сколько стоил отец Пупа когда-то и как мало он стоит теперь, спустя много

лет после того как судебный процесс сошел со страниц газет. Все младшие преподаватели и сотрудники администрации ненавидели учеников Агленби – ненавидели за то, чем они обладали и что воплощали, – и Пуп знал, что втайне коллеги порадовались бы, если бы он покинул их ряды.

– А вы, Барри? – спросила секретарша и сама ответила на свой вопрос: – Нет, вы же не курите, вы для этого слишком хороши. Ладно, пойду одна.

Майло тоже развернулся, чтобы уйти.

– Поправляйтесь, – сказал он добродушно, хотя Пуп ни словом не обмолвился, что болен.

Голоса в голове Пупа слились в рев, но в кои-то веки его собственные мысли их заглушили.

– Кажется, мне уже лучше, – ответил он.

Возможно, смерть Черни все-таки была не напрасной.

6

Блу, в общем, не считала, что быть официанткой – ее призвание. В конце концов, она еще учила третьеклашек чистописанию, плела венки для Женского общества вечного здоровья, выгуливала собак, принадлежавших обитателям самого престижного района Генриетты, и перекапывала клумбы для старушек по соседству. В общем, работа официанткой в «Нино» требовала от нее меньше всего усилий. Но Блу устраивал график, это была самая вменяемая запись в ее странноватом резюме, и, разумеется, в «Нино» больше всего платили.

Проблема была ровно одна, чисто практическая: этот ресторан принадлежал Агленби. Он находился в шести кварталах от железных ворот школьного кампуса, на краю исторического центра. «Нино» не отличался красотой. В городе были другие рестораны, с большими экранами и громкой музыкой, но ни один из них не привлекал воспитанников Агленби в такой мере, как «Нино». Если человек знал, что это – «самое то» место, он считался посвященным; а если его мог соблазнить спортивный бар на Третьей улице, он не заслуживал места в узком кругу.

Поэтому ученики Агленби в «Нино» были не просто учениками Агленби, а буквально квинтэссенцией того, что школа могла предложить миру. Шумные, нахальные, заносчивые.

Блу повидала здесь столько «воронят», что хватило бы на всю жизнь.

Когда она добралась до ресторана, музыка уже ревела достаточно громко, чтобы парализовать особо тонкие части ее души. Блу повязала фартук, по мере сил постаралась не обращать внимания на шум и наклеила на лицо улыбку, намекающую на чаевые.

Почти в самом начале смены в «Нино» вошли четверо парней, впустив в зал, где пахло орегано и пивом, холодный порыв свежего воздуха. Мерцавшая в окне неоновая вывеска в надписью «С 1976 года» озаряла их лица бледно-зеленым светом. Шагавший впереди парень, не отрываясь от мобильного, показал Сиалине четыре пальца, обозначавшие размер компании. Воронята хорошо умели делать несколько дел сразу, особенно если эти дела были обращены исключительно к их выгоде.

Когда Сиалина пробежала мимо, с полным карманом заказов, Блу протянула ей четыре засаленных меню. Волосы у Сиалины буквально стояли дыбом от статического электричества и от волнения.

Блу неохотно спросила:

– Хочешь, я возьму тот столик?

– Шутишь? – спросила Сиалина, глядя на четверых парней.

Закончив наконец говорить по телефону, первый уселся на оранжевую виниловую скамейку. Самый высокий стукнулся головой о зеленый фонарь граненого стекла, висевший над столом; остальные громко засмеялись. Высокий сказал:

– Твою мать.

Когда он изогнулся, чтобы сесть, над воротником у него показалась татуировка в виде змеи. У всех этих парней вид был какой-то ненасытный.

Блу тоже не хотела обслуживать этот столик.

Ей была нужна работа, которая не вытесняла бы из ее головы всех мыслей, заменяя их зловещими звуками синтезатора. Иногда Блу устраивала себе малюсенький перерыв – украдкой выскальзывала за дверь и там, прислонившись головой к кирпичной стене в переулке за рестораном, праздно размышляла о том, что могла бы изучать древесные кольца. Плавать с электрическими скатами. Обшаривать Коста-Рику в поисках хохлатых тиранновых мухоловок.

Честно говоря, Блу не знала, действительно ли ее интересуют тиранновые мухоловки. Просто ей нравилось название, потому что для девушки ростом метр пятьдесят «тиранновая мухоловка» звучит как начало многообещающей карьеры.

И все эти воображаемые жизни проходили далеко от «Нино».

Всего через пять минут после начала смены Блу позвали на кухню. Сегодня дежурил Донни. В «Нино» было примерно пятнадцать менеджеров, все так или иначе приходились родственниками хозяину, и ни один из них даже не окончил школу.

Донни стоял, небрежно опираясь на стол, и протягивал ей телефон:

– Тебя. Родители. Мама.

Не было нужды уточнять, потому что своего второго родителя Блу не знала. Вообще-то раньше она пыталась выпытать у Моры, кто ее отец, но мать аккуратно уходила от расспросов.

Взяв у Донни телефон, Блу забила в угол кухни, рядом с необыкновенно грязным холодильником и огромной раковиной. Но, даже невзирая на эти предосторожности, ее постоянно толкали локтями.

– Мама, я работаю.

– Только не пугайся. Ты сидишь? Извини. Наверное, это лишнее. Возможно. По крайней мере, обопрись на что-нибудь. Он позвонил. И записался на сеанс.

– Кто, мама? Говори громче, здесь шумно.

– Ганси.

Блу сначала не поняла. А потом до нее дошло, и ноги словно налились свинцом. Слабым голосом она спросила:

– И когда... он придет?

– Завтра вечером. Это ближайший вариант. Я попыталась записать его на пораньше, но он сказал, что у него уроки. Ты завтра работаешь?

– Я поменяюсь, – немедленно ответила Блу.

Впрочем, эти слова произносил кто-то другой. Реальная Блу находилась на церковном дворе и слышала, как он произнес: «Ганси».

– Да. Иди работай.

Она отложила телефон и почувствовала биение собственного пульса. Ей не померещилось. Он был настоящий.

Всё это было по-настоящему и чертовски необычно.

Казалось глупым находиться сейчас здесь, обслуживать клиентов, наливать напитки и улыбаться незнакомым людям. Блу хотелось оказаться дома, прислониться спиной к прохладному стволу развесистого бука на заднем дворе и попытаться понять, каким образом изменилась ее жизнь. Нив сказала, что в этом году она влюбится. Мора предрекла, что Блу убьет своего любимого, если поцелует его. Ганси был обречен умереть в пределах двенадцати месяцев. Сколько шансов, что это просто совпадение?

Значит, Ганси – ее будущий возлюбленный. И никак иначе. Потому что она не собиралась убивать кого-то еще.

«Неужели такова жизнь? Может, лучше было бы ничего не знать».

Кто-то коснулся ее плеча.

Прикосновения были совершенно против правил. Никто не имел права притрагиваться к ней, когда она работала, и особенно теперь, когда она переживала кризис. Блу резко развернулась.

– Я могу вам помочь?!

Перед ней стоял тот многозадачный парень с телефоном, ученик Агленби, на вид чистенький и солидный. Его часы, судя по всему, стоили дороже, чем машина Моры, а кожу – в тех местах, где она была видна – покрывал загар очень приятного оттенка. Блу никогда не могла понять, каким образом мальчишки из Агленби умудрялись загорать раньше, чем местные. Наверное, потому что весенние каникулы они проводили в Коста-Рике, Испании и тому подобных местах. Этот тип, вероятно, был намного ближе к тиранновой мухоловке, чем она.

– Надеюсь, – сказал он тоном, в котором звучала не столько надежда, сколько уверенность.

Ему приходилось говорить громко, чтобы быть услышанным. Он наклонил голову, чтобы встретиться с Блу глазами. В нем было нечто раздражающе внушительное – при среднем росте казалось, что он очень высокий.

– Мой застенчивый друг Адам думает, что ты очень милая, но он не готов сделать первый шаг. Вон он. Не тот, который чумазый. И не мрачный.

Блу, почти против воли, посмотрела туда, куда он показывал. Там сидели трое парней; один действительно был чумазый, какой-то потрепанный, вылинявший, как будто его слишком часто стирали. Тот, который стукнулся о фонарь, был красивый, с бритой головой. Солдат на той войне, где нет соратников, а есть только враги. А третий выглядел... элегантно. Это слово не вполне подходило, но было очень близко по смыслу. Тонкие черты, некоторая хрупкость, девичьи голубые глаза...

Вопреки собственному благоразумию, Блу ощутила легкий интерес.

– И что? – спросила она.

– Может, окажешь мне любезность, подойдешь и поговоришь с ним?

Блу на одну крошечную секундочку представила, на что это будет похоже, если она подойдет к столику, за которым сидят Воронята, и попытается вести неуклюжий, полный сексистских намеков разговор. Хотя парень и показался ей симпатичным, это была не самая приятная в ее жизни секундочка.

– Скажи, пожалуйста, о чем, по-твоему, я должна с ним говорить?

Деловой Тип с Мобильником ничуть не смутился.

– Мы что-нибудь придумаем. Мы интересные люди.

Блу в этом сомневалась. Но элегантный парень действительно был... элегантен. И, кажется, он испытывал искренний ужас от того, что его приятель разговаривал с ней. И в этом было что-то приятное. На одно короткое, очень короткое мгновение, которое впоследствии вгоняло ее в краску и удивляло, она задумалась, не сказать ли Деловому Типу с Мобильником, когда у нее заканчивается смена. Но тут Дон-ни окликнул Блу из кухни, и она вспомнила правила номер один и два.

– Ты видишь, что на мне фартук? Это значит, что я работаю. Зарабатываю на хлеб.

Невозмутимое выражение его лица не изменилось. Он произнес:

– Я об этом позабочусь.

– Позаботишься? – переспросила Блу.

– Да. Сколько ты обычно зарабатываешь в час? Я всё улажу. И поговорю с твоим менеджером.

На мгновение Блу утратила дар речи. До сих пор она не верила людям, которые утверждали, что утратили дар речи, но вот Блу открыла рот – и сначала оттуда вырвался только воздух. Потом нечто вроде смеха. И, наконец, она с трудом выговорила:

– Я не проститутка.

Парень из Агленби явно удивился. А потом до него дошло.

– О. Я не это имел в виду. Я сказал совсем другое.

– Нет, ты сказал именно это! Думаешь, можно просто взять и заплатить мне, чтобы я побеседовала с твоим другом? Ты, очевидно, платишь своим приятельницам за час и понятия не имеешь, как это работает в реальном мире. Но... но...

Блу знала, что хотела сказать нечто очень важное, но забыла, что именно. Негодование отключило все высшие функции, осталось одно лишь желание дать ему пощечину. Парень открыл рот, чтобы возразить, и Блу сразу всё вспомнила.

– Большинство девушек, если парень их интересуется, болтают с ним бесплатно.

Надо отдать ему должное – Деловой Тип из Агленби некоторое время молчал. Он задумался, а потом бесстрастно произнес:

– Ты сказала, что зарабатываешь на хлеб. Вот я и подумал, что было бы грубо не принять это во внимание. Жаль, что ты обиделась. Я понимаю, из чего ты исходишь, но, по-моему, немного несправедливо, что ты не хочешь разделить мою точку зрения.

– А по-моему, ты просто важничаешь, – заметила Блу.

Мельком она заметила, как Солдат изобразил рукой самолет. Он носился над поверхностью стола, и Грязнуля подавлял смех. Третий парень – тот, изящный, – с преувеличенным выражением ужаса закрыл лицо рукой, растопырив пальцы достаточно широко, чтобы можно было заметить, как он морщится.

– О господи, – сказал Деловой Тип с Мобильником. – Я даже не знаю, что еще сказать.

– Например, «извини», – намекнула Блу.

– Я уже извинился.

Она задумалась.

– Тогда «до свиданья».

Он поднес руку к груди, словно хотел поклониться или сделать еще какой-нибудь насмешливый, типа джентльменский жест. Калла показала бы ему средний палец, но Блу просто сунула руки в карманы фартука.

Когда Деловой Тип с Мобильником вернулся за свой столик и достал толстую тетрадь в кожаном переплете, которая совершенно не вязалась с его обликом, бритый издал презрительный смех. Блу услышала, как он передразнил: «Я не проститутка!» Его элегантный сосед наклонил голову. Уши у него порозовели.

«Даже за сто долларов, – подумала Блу. – Даже за двести».

Но, надо признать, порозовевшие уши ее слегка выбили из колеи. Это было как-то не в духе Агленби. Неужели Воронята умели смущаться?

Она слишком долго смотрела на них. Элегантный парень поднял голову и перехватил ее взгляд. Брови у него были сдвинуты, скорее покаянно, чем гневно, и Блу вновь засомневалась.

Но тут же она покраснела, когда в ее ушах раздался голос Делового Типа с Мобильником: «Я всё улажу». Блу устремила на него сердитый взгляд, точь-в-точь как Калла, развернулась и пошла обратно на кухню.

Нив ошиблась. Она ни за что не влюбится в одного из них.

7

– Повтори еще раз, – попросил Ганси Адама. – Почему ты считаешь, что экстрасенс – это хорошая идея?

Пицца была уничтожена (без участия Ноя), и Ганси стало легче, а Ронану хуже. К концу обеда Ронан ободрал все свои болячки, оставшиеся после катания на тележке, и сделал бы то же самое с болячками Адама, если бы только тот ему позволил. Ганси отправил Ронана на улицу выпустить пар, а за компанию с ним – Ноя.

И теперь Ганси и Адам стояли в очереди, пока какая-то женщина спорила с кассиром насчет грибов.

– Они связаны с энергией, – сказал Адам, перекрикивая рев музыки.

Он рассматривал собственную руку, где тоже красовалась болячка. Кожа под струпом слегка воспалилась. Подняв голову, Адам посмотрел через плечо. Возможно, он высматривал злобную официантку («не проститутку»). Отчасти Ганси чувствовал себя виноватым за то, что изрядно уменьшил шансы Адама. С другой стороны, он не исключал, что спас друга от ужасной участи: эта девица вполне могла переломить его пополам и сожрать.

Вполне возможно, что он опять забыл про деньги. Он не хотел никого оскорблять, но если подумать хорошенько, то, наверное, все-таки оскорбил. И ему предстояло мучиться из-за этого весь вечер. Ганси, как уже бывало сто раз, поклялся впредь осторожней выбирать слова.

Адам продолжал:

– Силовые линии – это энергия. Энергия и энергия.

– То есть мы споемся, – сказал Ганси. – Если, конечно, это настоящий экстрасенс.

Адам намекнул:

– Нам выбирать не приходится.

Ганси посмотрел на рукописный счет за пиццу. Там говорилось, что их официантку звали Сиалина. Она даже оставила номер телефона, хотя трудно было сказать, кого именно из парней она надеялась привлечь. Некоторые члены компании были менее опасны при общении, чем другие. Сиалина уж точно не считала, что он важничает.

Возможно, потому что не слышала, как он говорит.

Весь вечер. Это будет мучить его весь вечер.

Ганси сказал:

– Жаль, что мы не знаем, насколько широки линии. Даже спустя столько времени я понятия не имею, что мы ищем, нитку или шоссе. Мы могли быть в шаге от линии и не сознавать этого.

Удивительно, как у Адама не сломалась шея, так энергично он оглядывался. Но официантка не показывалась. Вид у него был утомленный – Адам явно не высыпался, попеременно занятый то работой, то учебой. Ганси не нравилось видеть его таким, но ничего из того, что крутилось у него в голове, нельзя было сказать вслух. Адам не выносил жалости.

– Мы знаем, что их можно искать при помощи ивовой лозы, а значит, они не могут быть настолько узкими, – сказал Адам и потер висок.

Именно это в первую очередь и привело Ганси в Генриетту – месяцы поисков и хождения с лозой. Впоследствии он пытался искать линию с большей точностью, с помощью Адама. Они обошли весь город с ивовым прутом и датчиком электромагнитных частот, передавая инструменты друг другу. Датчик пару раз выдал странные колебания, и Ганси показалось, что одновременно волшебная лоза дрогнула в его руке, но возможно, он просто выдавал желаемое за действительное.

«Я могу сказать ему, что вся учеба пойдет к черту, если он не сделает передышку», – подумал Ганси, глядя на темные круги под глазами Адама.

Адам, скорее всего, не считал бы это благотворительностью, если бы Ганси заговорил о самом себе. Он задумался, как бы выразиться поэгоистичнее. «Какой мне от тебя будет прок, если ты заболеешь?» Нет, Адам бы сразу это раскусил.

Поэтому Ганси сказал:

– Нам нужен твердый пункт А, прежде чем мы начнем думать про пункт Б.

Но пункт А у них был. И даже пункт Б. У Ганси имелась вырванная из книжки карта Вирджинии, поперек которой пролегалла приблизительно вычерченная силовая линия. Как и британские энтузиасты, американские искатели силовых линий отмечали ключевые точки паранормальной активности и соединяли их, так что изгиб линии становился очевиден. Казалось, всю работу уже проделали за Ганси.

Но создатели этих карт никогда не предполагали, что ими будут пользоваться как реальными путеводителями; они были слишком грубы. К примеру, на одной из карт как возможные ориентиры были просто отмечены Нью-Йорк, Вашингтон и Пайлот-маунтин в штате Северная Каролина. Каждая из этих точек имела много миль в ширину, и даже самые тонкие из карандашных линий, проведенных на карте, в реальности были не уже десяти метров. Даже если исключить ряд вариантов, силовая линия могла пролегать где угодно на площади в несколько тысяч акров. Несколько тысяч акров, где мог находиться Глендауэр, если он вообще был похожен на силовую линию.

– Интересно, – вслух размышлял Адам, – можно ли наэлектризовать лозы либо саму линию. Взять аккумулятор от машины или что-нибудь такое.

«Если возьмешь кредит, тебе до окончания колледжа не придется думать о работе». Нет, это немедленно породит спор. Ганси слегка потряс головой, больше отвечая собственным мыслям, чем словам Адама. Он сказал:

– Это похоже на описание пытки или начало музыкального клипа.

Лицо Адама, Ищущего Демоническую Официантку, сменилось лицом Адама, Которому Пришла Гениальная Идея. Усталость как рукой сняло.

– Усилитель. Вот о чем я подумал. Чтобы линия звучала громче и ее было проще найти.

Идея была не такая уж плохая. В прошлом году, в Монтане, Ганси беседовал с человеком, которого ударило молнией. Он сидел за рулем своего вездехода в дверях сарая, когда это произошло, и в результате у него, во-первых, возник необъяснимый страх замкнутого пространства, а во-вторых, проявилась сверхъестественная способность нащупывать местные силовые линии при помощи всего лишь изогнутого куска радиоантенны. Два дня они с Ганси вместе бродили по полям, изрезанным ледниками и уставленным круглыми стогами сена, которые вздымались выше головы. Им попадались скрытые источники воды, крошечные пещеры, обожженные молниями пни и камни со странными знаками. Ганси пытался убедить парня поехать на Восточное побережье и применить свои чудесные способности к тамошним силовым линиям, но патологический страх перед замкнутыми помещениями исключал путешествия на самолете и на машине. А пешком идти было слишком далеко.

И все-таки это был не совсем бесполезный опыт.

Ганси получил еще одно доказательство атмосферной теории, которую только что описал Адам: силовые линии и электричество вполне могут быть связаны.

Там энергия, и тут энергия.

Подойдя к стойке, Ганси понял, что рядом маячит Ной, с каким-то напряженным и настойчивым выражением лица. То и другое было для него типично, поэтому Ганси не сразу встревожился. Он протянул кассиру сложенную стопочку счетов. Ной продолжал торчать рядом.

– Что? – поинтересовался Ганси.

Ной, похоже, хотел сунуть руки в карманы, но передумал. Казалось, они у него были даже прилажены не так, как у других. Наконец Ной просто опустил руки, посмотрел на Ганси и сказал:

– Диклан здесь.

Ганси быстро окинул взглядом ресторан и ничего не заметил. Он спросил:

– Где?

– На парковке. Они с Ронаном...

Не дожидаясь окончания фразы, Ганси вылетел в темноту. Обогнув здание, он выбежал на парковку как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ронан наносит удар.

Это движение казалось бесконечным.

Судя по всему, веселье только началось. Ронан стоял в болезненно зеленом свете гудящего уличного фонаря – с незыблемой осанкой и лицом, как будто высеченным из гранита. Он не колебался; он принял все последствия наносимого удара задолго до того, как размахнулся.

От отца Ганси унаследовал склонность к логике, любовь к исследованиям и персональный счет, на котором лежала сумма размером с призовой фонд общегосударственной лотереи.

Братьям Линч от отца достались непомерное самолюбие, десять лет невразумительных уроков игры на ирландских музыкальных инструментах и умение от души драться. Ниалл Линч проводил с отпрысками мало времени, зато когда он брался их обучать, то оказывался превосходным наставником.

– Ронан! – крикнул Ганси. – Слишком поздно.

Диклан упал, но, прежде чем Ганси успел выработать план действий, он уже вскочил и врезал брату кулаком. Ронан выругался так длинно, затейливо и хлестко, что Ганси удивился, как одни эти слова не убили Диклана. Братья неистово размахивали руками. Били друг друга коленом в грудь и локтем по лицу. Затем Ронан схватил Диклана за грудки и швырнул на блестящий, как зеркало, капот «Вольво».

– Осторожней, моя машина, блин! – выкрикнул Диклан, сплюнув кровь.

История семейства Линч выглядела так: жил однажды человек по имени Ниалл Линч, и у него было три сына, один из которых любил отца сильнее, чем остальные братья. Ниалл Линч был красив, харизматичен, богат и загадочен, но однажды его выволокли из угольно-серого «БМВ» и насмерть избили монтировкой. Это случилось в среду. В четверг его сын Ронан обнаружил труп отца на подъездной дорожке. В пятницу миссис Линч перестала разговаривать и молчала до сих пор.

В субботу братья Линч узнали, что после смерти отца остались богатыми и бездомными. По условиям завещания, им воспрещалось прикасаться к чему-либо в доме, будь то одежда, мебель или их онемевшая мать. Они должны были немедленно перебраться в общежитие Агленби. Диклан, старший, получал право распоряжаться деньгами и жизнью братьев, пока им не стукнет восемнадцать.

В воскресенье Ронан украл машину покойного отца.

В понедельник братья Линчи стали врагами.

Оторвав Ронана от «Вольво», Диклан ударил его так сильно, что даже Ганси это почувствовал. Эшли, чьи светлые волосы одни только и виднелись в темноте, заморгала, сидя в машине.

Ганси быстро зашагал через парковку.

– Ронан!

Тот даже не повернулся. Мрачная ухмылка – ухмылка скелета, а не мальчика – не сходила с его губ, пока братья кружили по парковке. Это была настоящая драка, не напояк, и разворачивалась она быстро. Прежде чем Ганси успел бы позвать на помощь, кого-то избили бы до потери сознания, а ему сегодня было просто некогда везти пострадавшего в больницу.

Ганси прыгнул и перехватил руку Ронана в воздухе. Впрочем, пальцы Ронана по-прежнему цеплялись за щеки Диклана, а Диклан уже размахнулся – так широко, как будто хотел заключить брата в жестокие объятия. Поэтому удар достался Ганси. Что-то влажное окропило его руку. Ганси был практически уверен, что это слюна, но вполне возможно, что это была кровь. Тогда он выкрикнул слово, которому научился у сестры.

Ронан держал Диклана за узел темно-красного галстука, а Диклан стискивал рукой с побелевшими костяшками затылок брата. На Ганси они не обращали внимания. Ловко выгнув запястье, Ронан ударил Диклана головой о дверцу «Вольво». Раздался тошнотворный шлепок. Диклан разжал пальцы.

Ганси воспользовался этой возможностью, чтобы оттащить Ронана на несколько шагов. Ронан вырывался и молотил ногами по земле. Он был необыкновенно силен.

– Хватит, – тяжело дыша, сказал Ганси. – Не порти лицо.

Ронан – сплошные мускулы и адреналин – продолжал выворачиваться из рук. Диклан, в непотребно грязном костюме, направился к ним. На виске у него наливался огромный синяк, однако он, казалось, был не прочь продолжить. Черт знает что послужило причиной – новая сиделка для матери, плохие отметки в школе, необъяснимая пропажа денег с кредитки. Или присутствие Эшли.

На другой стороне парковки показался менеджер «Нино». Вскоре должны были появиться копы.

«Где Адам?»

– Диклан, – сказал Ганси предостерегающим тоном, – если ты подойдешь, клянусь...

Вздернув подбородок, Диклан сплюнул кровь на асфальт. Губы у него были разбиты, но зубы целы.

– Ладно. Это твой пес, Ганси, вот и держи его на поводке. Постарайся, чтоб он не вылетел из школы. А я умываю руки.

– Надеюсь, – прорычал Ронан.

Всё его тело казалось жестким, как доска, в руках Ганси. Ненависть стала для Ронана второй кожей.

Диклан сказал:

– Ну и дерьмо ты, Ронан. Если бы только папа видел...

Ронан рванулся вперед. Ганси обхватил его и потащил обратно.

– А ты что тут делаешь? – спросил он у Диклана.

– Эшли надо было в туалет, – отчеканил тот. – Я, казалось бы, вправе остановиться где хочу?

Когда Ганси в последний раз заходил в здешнюю совмещенную уборную, там пахло блевотиной и пивом. На стене кто-то красным маркером написал «СОТОНА» и указал номер Ронана. Трудно было представить, чтобы Диклан по собственному почину решил познакомить Эшли с удобствами «Нино».

Ганси произнес:

– По-моему, тебе лучше уехать. Сегодня ничего не решится.

Диклан коротко рассмеялся. Громко, беззаботно и округло. Он явно не находил в Ронане ничего забавного.

– Спроси, будут ли у него в этом году четверки, – сказал он Ганси. – Ты вообще ходишь на уроки, Ронан?

Эшли, за спиной у Диклана, выглянула из машины. Она опустила стекло, чтобы послушать. Когда эта девушка думала, что никто не обращает на нее внимания, она вовсе не выглядела идиоткой. Казалось исключительно справедливым, что на сей раз играли именно Дикланом.

– Я не говорю, что ты неправ, Диклан, – произнес Ганси.

Ухо болело от удара. И он чувствовал, как билось сердце Ронана у него под рукой. На память Ганси пришла недавняя клятва осторожнее выбирать слова, поэтому он сформулировал окончание фразы в голове, прежде чем сказать вслух:

– Но ты не Ниалл Линч и никогда им не будешь. И если перестанешь этого добиваться, то превзойдешь его гораздо быстрее.

Ганси выпустил Ронана.

Тот не двигался, и Диклан тоже, как будто, произнес имя их отца, Ганси наложил на обоих чары. У братьев было одинаково уязвленное выражение лица. Разные раны, нанесенные одним оружием.

– Я просто хочу помочь, – наконец сказал Диклан, но в его голосе звучало поражение.

Несколько месяцев назад Ганси поверил бы ему.

Ронан, стоя рядом с Ганси, опустил руки и разжал кулаки.

Когда Адам получал удар, в его глазах появлялось рассеянное, отсутствующее выражение, как будто тело принадлежало кому-то другому. Когда удар получал Ронан, происходило обратное: он столь явно включался в здесь-и-сейчас, как будто до тех пор спал.

Ронан сказал брату:

– Я тебя никогда не прощу.

Окно машины с шелестом закрылось, как будто Эшли наконец поняла, что этот разговор не предназначался для ее ушей.

Посасывая разбитую губу, Диклан несколько секунд смотрел в землю. А затем выпрямился и поправил галстук.

– Подумаешь, какая важность, – сказал он и открыл дверцу машину.

Садясь за руль, Диклан предупредил Эшли: «Я не хочу это обсуждать» – и захлопнул дверцу. Колеса взвизгнули, впившись в асфальт, а Ганси и Ронан остались стоять друг возле друга на парковке, залитой странным тусклым светом. Неподалеку трижды пролаяла собака. Ронан коснулся мизинцем брови, чтобы проверить, не идет ли кровь. Но крови не было. Только вспухшая злая шишка.

– Разберемся, – сказал Ганси.

То, что сделал или безуспешно попытался сделать Ронан, вряд ли было легко поправимо, но Ганси твердо знал, что это надо исправить. Единственная причина, по которой Ронану позволялось жить на Монмутской фабрике, заключалась в том, что у него были приемлемые отметки.

– Как угодно, но не позволяй ему оказаться правым.

Ронан тихо сказал:

– Я хочу бросить школу.

– Еще год.

– Я не хочу терпеть еще год.

Он пинком забросил камушек под машину. Его голос не сделался громче, хотя ярости в нем, несомненно, прибавилось.

– Еще год – а потом я удавлюсь собственным галстуком? Я не политик, Ганси. И не банкир.

Ганси тоже не ощущал себя политиком или банкиром, но, тем не менее, школу ему бросать не хотелось. Боль в голосе Ронана означала, что в голосе Ганси ее не должно было быть. Ганси сказал:

– Окончи школу, а потом делай что хочешь.

Они унаследовали от своих отцов столько денег, что могли не работать, если не желали. Они были периферическими частями машины, называемой обществом, и на плечах Ронана это бремя лежало иначе, чем на плечах Ганси.

Вид у Ронана был злобный, но в нынешнем настроении он бы так выглядел при любом раскладе.

– Не знаю, чего я хочу. Я вообще, блин, не знаю, кто я такой.

Он залез в машину.

– Ты мне пообещал, – сказал Ганси сквозь открытое окно.

Ронан не смотрел на него.

– Помню.

– И не забывай.

Ронан захлопнул дверцу, и этот звук эхом разнесся по парковке – слишком громко, как всегда бывает в темноте. Ганси присоединился к Адаму, который стоял и наблюдал с безопасного расстояния. По сравнению с Ронаном, Адам был чистеньким и сдержанным. Воплощенное самообладание. Он откуда-то достал резиновый мячик с изображением Губки Боба и теперь задумчиво его подбрасывал.

– Я убедил их не вызывать полицию, – сказал Адам.

Он хорошо умел улаживать скандалы.

Ганси выдохнул. Сегодня у него не хватило бы сил общаться с копами ради Ронана.

«Скажи мне, что я правильно поступаю. Скажи, что именно так я верну прежнего Ронана. Скажи, что я не погублю его, пытаюсь держать подальше от Диклана».

Но Адам уже говорил Ганси, что, по его мнению, Ронану нужно научиться подтирать за собой. Ганси, впрочем, боялся, что Ронан попросту научится жить в грязи.

Поэтому он спросил:

– А где Ной?

– Сейчас придет. Он, кажется, оставляет чаевые.

Адам бросил и поймал мячик. Он почти механически обхватывал его пальцами, когда тот отскакивал от земли. Раз – ладонь была пуста и открыта, два – и она вдруг крепко сжималась вокруг мячика.

Прыг. Хвать.

Ганси сказал:

– Значит, Эшли...

– Да, – ответил Адам, как будто ждал этого.

– У нее много глаз.

Это выражение любил папа. Семейная фразочка, которая означала, что кто-то слишком любопытен.

Адам спросил:

– Думаешь, она здесь ради Диклана?

– А ради кого еще?

– Ради Глендауэра, – живо ответил Адам.

Ганси рассмеялся, а Адам нет.

– Я серьезно.

Вместо ответа Адам размахнулся и бросил мячик. Он тщательно рассчитал траекторию: мячик отскочил от грязного асфальта, стукнулся о колесо «Камаро», взвился в воздух, исчезнув в темноте... Адам сделал шаг вперед как раз вовремя, чтобы подставить ладонь. Ганси одобительно хмыкнул.

Адам сказал:

– Я думаю, больше не стоит рассказывать об этом всем подряд.

– Это не секрет.

– Может, лучше посекретничать.

Беспокойство Адама было заразительно, но с логической точки зрения Ганси не видел никаких поводов для подозрений. Он четыре года искал силовые линии, открыто признаваясь в

этом всем и каждому, кто проявлял интерес, и ни разу не встречал ни малейших доказательств того, что кто-то принялся за поиски параллельно с ним. Впрочем, он признал, что сама мысль о такой возможности была исключительно неприятной.

Ганси сказал:

– Это всё открытая информация, Адам. Почти всё, чем я занимаюсь, лежит в общем доступе. Слишком поздно секретничать. Уже много лет как поздно.

– Брось, Ганси, – с жаром произнес Адам. – Ты разве не чувствуешь? Не чувствуешь?..

– Что? – Ганси терпеть не мог ссориться с Адамом, но это уже походило на ссору.

Адам безуспешно пытался перевести мысли в слова. Наконец он произнес:

– За нами наблюдают.

На другом конце парковки наконец появился вышедший из ресторана Ной. Сгорбившись, он побрел к друзьям. В машине виднелся силуэт Ронана, который лежал, откинувшись на спинку и склонив голову набок, как будто спал. Ганси впервые в этом году почуял запах роз и скошенной травы. Издалека доносился аромат сырой земли, которая оживала под слоем прошлогодней сухой листвы, и воды, которая бежала по камням в горных расселинах, где никогда не ступала нога человека. Возможно, Адам был прав. Эта ночь что-то сулила. Нечто незримое открывало глаза.

Адам в очередной раз бросил мячик, Ганси вытянул руку и схватил его первым.

– Думаешь, был бы смысл шпионить за нами, – сказал он, – если бы мы не напали на след?

8

Когда Блу медленно вышла из ресторана, тревога сменилась усталостью. Она сделала глубокий вдох и втянула прохладный вечерний воздух. Казалось, это была совсем иная субстанция, нежели та, что текла по вентиляционным трубам в «Нино».

Она запрокинула голову, глядя на звезды. Здесь, на краю делового района, уличных огней было недостаточно, чтобы полностью их затмить. Большая Медведица, Лев, Цефей. По мере того как Блу находила знакомые созвездия, ее дыхание становилось всё ровней и спокойней.

Цепь велосипедного замка была холодной. В дальнем конце парковки слышались какие-то приглушенные разговоры. Где-то рядом, за спиной у Блу, зашаркали по асфальту шаги. Даже когда люди передвигались тихо, они всё равно страшно шумели.

Однажды она поселится там, где сможет, выйдя из дома, увидеть одни только звезды – никаких уличных огней. Там она будет как никогда близка к тому, чтобы разделить материнский дар. Когда Блу глядела на звезды, что-то взывало к ней – нечто, что понуждало ее увидеть большее, осмыслить эту хаотическую россыпь, принять послание. Но у нее никогда не получалось. Блу видела только Льва и Цефея, Скорпиона и Дракона. Возможно, мешал недостаток горизонта и избыток города. А главное, Блу, в общем, и не хотела видеть будущее. Она хотела увидеть то, что было навеки скрыто от остальных – и, возможно, для этого во всем мире не стало бы магии.

– Простите, э, мисс... привет.

Голос был мужской, осторожный и местный – гласные казались словно сточенными по краям. Блу обернулась без особого рвения.

К ее удивлению, перед ней стоял Элегантный Парень, и при свете далекого фонаря его лицо казалось костлявее и старше. Он был один. Ни Делового Типа с Мобильником, ни грязнули, ни их агрессивного друга. Одной рукой он придерживал велосипед, другая лежала в кармане. Его неуверенная поза как-то не гармонировала со школьной эмблемой на груди, и Блу успела заметить протершийся шов, прежде чем парень поднял плечи под самые уши, как будто от холода.

– Привет, – сказала Блу, гораздо мягче, чем было бы, не заметь она прореху.

Она и не знала, что некоторые ученики Агленби носят подержанные свитера.

– Адам, если не ошибаюсь?

Он нервно и смущенно кивнул. Блу посмотрела на велосипед. Она и не знала, что некоторые ученики Агленби ездят на велосипедах, а не в собственных машинах.

– Я как раз ехал домой, – сказал Адам, – и заметил здесь тебя. Я должен извиниться. За то, что случилось. И я хочу, чтоб ты знала, что я не просил его об этом.

От Блу не ускользнуло, что его голос с легким местным акцентом был таким же приятным, как и внешность. Этот голос содержал в себе вечера в Генриетте, нагретые солнцем качели на крыльце, стаканы с холодным чаем, треск цикад, заглушавший мысли... Адам посмотрел через плечо, заслышав шум машины в переулке. Когда он вновь взглянул на Блу, его лицо оставалось настороженным, и она поняла, что это выражение – складка над бровями, сжатые губы – для него нормально. Оно идеально подходило чертам Адама, сочеталось с черточками вокруг глаз и рта. «Этот парень нечасто радуется», – подумала Блу.

– Очень приятно, – сказала она. – Но не тебе нужно извиняться.

Адам ответил:

– Я не хочу, чтобы вся вина падала на него. То есть... он был прав. Я действительно хотел поговорить с тобой. Но не... просто попытаться тебя снять.

Тут нужно было его прогнать. Но Блу озадачил румянец Адама. Его искреннее лицо, с иголочки новенькая, неуверенная улыбка. Его лицо было ровно настолько странным, чтобы ей хотелось на него смотреть.

На самом деле с ней никогда еще не флиртовал тот, кому она желала бы в этом удачи.

«Не надо!» – предупредил внутренний голос.

Но Блу спросила:

– А что же ты хотел сделать?

– Поговорить, – повторил он.

Это слово, произнесенное с местным акцентом, звучало долго и, казалось, значило не столько «поболтать», сколько «излить душу». Блу невольно посмотрела на тонкие, красивые очертания его губ. Адам добавил:

– Наверное, я всех избавил бы от хлопот, если бы просто подошел и заговорил с тобой. Чужие идеи всегда доставляют мне гораздо больше проблем.

Блу уже хотела сказать, что идеи Орлы доставляют проблемы всем окружающим, когда вдруг поняла, что Адам ответит, и она тоже ответит, и так может продолжаться целый вечер. Что-то твердило ей, что Адам – человек, с которым можно по-настоящему побеседовать. Внезапно в голове Блу зазвучал голос Моры: «Тебя ведь не надо предупреждать, чтобы ты никого не целовала, правда?»

И Блу послушалась. Как и заметила Нив, она была очень благоразумной девушкой. Даже самый лучший исход сегодняшнего вечера влек за собой одни лишь страдания. Она вздохнула и произнесла, ставя ногу на педаль:

– Если честно, проблема не в том, что он сказал. Проблема в том, что он предложил мне деньги.

Она подумала: главное, не представлять себе, каково это – остаться и поболтать с Адамом. Когда Блу не могла что-то себе позволить, хуже всего было растравлять себя мечтами и воображать, как это было бы.

Адам вздохнул, словно признавая ее право уйти.

– Он просто не понимает. В деньгах он ничего не смыслит.

– А ты?

Он смерил ее спокойным взглядом. Этот взгляд не оставлял места для глупостей.

Блу откинула голову назад и посмотрела на звезды. Странно было думать, что на самом деле они быстро неслись по небу: они находились слишком далеко, чтобы Блу могла заметить их движение. Лев, Малый Лев, Пояс Ориона. Будь на месте Блу ее мать, тетки и двоюродные сестры, сумели бы они, читая по небесам, увидеть то, что ей следовало сказать Адаму?

Блу спросила:

– Ты еще придешь в «Нино»?

– А меня готовы там видеть?

Она улыбнулась в ответ, и ей самой это показалось чем-то очень опасным. Чем-то, что не понравилось бы Море.

У Блу были два правила. Держись подальше от парней, потому что от них одни неприятности. Держись подальше от Воронят, потому что все они придурки.

Но эти правила как будто не применялись к Адаму. Порывшись в кармане, Блу достала салфетку и написала свое имя и номер домашнего телефона. С бьющимся сердцем она сложила салфетку и протянула Адаму.

Он сказал лишь:

– Я рад, что пришел.

И, повернувшись своим длинным туловищем, Адам покатил горестно скрипящий велосипед обратно по дороге.

Блу прижала пальцы ко лбу.

«Я дала парню свой телефон. Я дала свой телефон парню из Агленби».

Обхватив себя руками, она представила будущие объяснения с матерью. «Но ведь это еще не значит, что я стану с ним целоваться».

Блу подпрыгнула, когда задняя дверь ресторана приоткрылась. Но это был всего лишь Донни. Лицо у него прояснилось, когда он увидел Блу. В руках он держал заманчиво толстую тетрадь в кожаном переплете, которую Блу немедленно узнала. Она видела ее в руках Делового Типа с Мобильником.

Донни спросил:

– Ты не знаешь, кто это оставил? Это случайно не твое?

Сойдясь с ним в середине парковки, Блу взяла тетрадь и полистала. Страницы улеглись не сразу; тетрадь была такой потертой и толстой, что каждый лист претендовал на первенство. Наконец, подчинившись силе притяжения, она раскрылась посередине.

Перед Блу предстала мешанина пожелтевших вырезок из книг и газет. Несколько фраз были подчеркнуты красной ручкой, на полях виднелись комментарии («Пещеры Люрэй считаются мистическим местом? воробы = вóроны?»). Тем же цветом кто-то составил и аккуратно заключил в рамочку список, озаглавленный «Топонимы валлийского происхождения в окрестностях Генриетты». Блу узнала большинство названий. Уэлш-Хиллс, Глен-Бауэр, Хар-лех, Макинлет.

– Я ее не читал, – сказал Донни. – Просто посмотрел, не указано ли имя владельца. А потом понял, что это... ну, твое.

Он имел в виду, что ничего другого не ожидал от дочки экстрасенса.

– Кажется, я знаю, чье это, – сказала Блу.

Никаких других мыслей, кроме желания еще немного полистать эту тетрадь, у нее не было.

– Я ее заберу.

Когда Донни вернулся в ресторан, Блу вновь открыла тетрадь. Теперь она могла не спеша подивиться плотности содержимого. Пусть даже его смысл дошел до нее не сразу, но само ощущение – да. Вышеупомянутых вырезок там было столько, что тетрадь не желала сохранять форму, если только ее не застегивали кожаным ремешком. Страницы, занятые этими вырванными и вырезанными отрывками, тянулись и тянулись, и перебирать их было несомненным тактильным удовольствием. Блу провела пальцами по разнородным поверхностям. Кремовая, толстая альбомная бумага с тонким, изящным шрифтом. Тонкая, коричневатая, с паукообразными буквами. Гладкая, утилитарно белая, с безыскусной современной печатью. Обтрепанная газетная, крупного желтоватого оттенка.

А еще были пометки, сделанные десятком разных ручек и маркеров, но все – одинаковым деловым почерком. Они кружили, указывали, подчеркивали – очень настойчиво. Кто-то составлял списки и чертил энергичные восклицательные знаки на полях. Противоречил сам себе и ссылаясь на себя в третьем лице. Линии превращались в штрихи, зарисовки гор, извилистые следы шин за быстроходными машинами.

Блу не сразу поняла, чему посвящена тетрадь. Ее содержание приблизительно разделялось на главы, но было ясно, что в некоторых разделах автору не хватило места и он продолжил где-то дальше. Была глава о силовых линиях – незримых энергетических потоках, которые соединяли паранормальные места. Была глава об Оуэне Глендауэре, Короле Воронов. Была глава, посвященная легендам про спящих рыцарей, которые лежат под горами и ждут пробуждения к новой жизни. Была глава, полная странных историй о королях, принесенных в жертву, о древних богинях воды и прочих старинных штуках, которые символизировали вороны.

А главное, тетрадь воплощала желание. Она желала больше, чем могла вместить, больше, чем можно было описать словами и проиллюстрировать диаграммами. Желание буквально

сочилось со страниц, полных лихорадочных линий, взволнованных набросков, определений, набранных темным шрифтом. Было в этой тетради что-то болезненное и тоскливое.

Среди прочих каракуль выделялся знакомый рисунок. Три пересекающихся линии – удлиненный треугольник с клювообразными концами. То, что Нив нарисовала в кладбищенской грязи, а Мора – на запотевшей двери душевой кабины.

Блу разгладила страницу, чтобы получше присмотреться. Эта глава была посвящена силовым линиям – «мистическим путям энергии, соединяющим паранормальные места». Во всей тетради этот треугольник встречался снова и снова, рядом с кривоватым Стоунхенджем, странно растянутыми силуэтами лошадей, наброском кургана. Никакого объяснения к рисунку не прилагалось.

Это не могло быть совпадением.

Точно так же, как владельцем тетради не мог быть тот невозмутимый тип с мобильником. Он, вероятно, получил ее от кого-то.

«Возможно, – подумала Блу, – от Адама».

Он вселял в нее то же ощущение, что и тетрадь, – ощущение магии, больших возможностей, тревоги и опасности. Блу чувствовала себя так же, как в ту минуту, когда, по словам Нив, к ней прикоснулся дух.

Блу подумала: «Вот бы ты оказался Ганси». Но, едва успев об этом подумать, она поняла, что это неправда. Потому что, кто бы такой ни был Ганси, ему осталось жить недолго.

9

Ганси проснулся ночью и обнаружил, что луна светит ему прямо в лицо, а мобильник звонит.

Он принялся искать телефон, лежавший где-то рядом с ним под одеялом. Почти слепой без очков и контактных линз, он поднес мобильник вплотную к лицу, чтобы узнать, кто звонит: «Мэлори Р.». Теперь Ганси понял, почему его потревожили в столь неурочное время. Роберт Мэлори жил в Сассексе. С учетом разницы во времени, в Вирджинии была полночь, а у Мэлори – ранней пташки – пять утра. Мэлори считался одним из главных специалистов по силовым линиям Британии. Ему было восемьдесят лет, а может, сто или двести, и он написал о силовых линиях три книги, которые стали классикой в очень узком кругу. Они познакомились летом, когда Ганси метался между Уэльсом и Лондоном. Мэлори первым принял пятнадцатилетнего мальчика всерьез, и за эту честь Ганси был вечно ему благодарен.

– Ганси, – добродушно сказал Мэлори, помня, что не стоит называть его по первому имени, и без дальнейших прелюдий пустился в монолог о погоде, о четырех прошлых собраниях исторического общества и о докучливом соседе с его собакой.

Ганси понимал примерно три четверти. Проведя в Англии почти год, он привык к акцентам, но речь Мэлори было непросто воспринимать из-за причмокивания, жевания, дряхлости, происхождения и плохой связи.

Выбравшись из постели и присев на корточки над моделью Генриетты, Ганси из вежливости слушал вполуха двадцать минут, а затем осторожно перебил:

– Очень рад вас слышать.

– Я нашел интересный текстовый источник, – сказал Мэлори.

Судя по звуку, он либо что-то жевал, либо заворачивал в целлофан. Ганси видел его квартиру и не исключал, что Мэлори делал то и другое.

– Там говорится, что силовые линии покоятся во сне. Дремлют. Ничего не напоминает?

– Как Глендауэр! И что это значит?

– Возможно, именно поэтому их так трудно найти. Если они по-прежнему есть, но не активны, энергия будет очень слабой и нерегулярной. В Суррее я шел по линии с одним человеком – четырнадцать миль, в отвратительную погоду, когда дождевые капли были размером с репу – а потом линия просто взяла и исчезла.

Достав тубик с клеем и несколько кусочков картона, Ганси воспользовался ярким лунным светом и доделал крышу домика, пока Мэлори распространялся о дожде. Затем он спросил:

– А в вашем источнике что-нибудь сказано, как разбудить силовые линии? Если можно разбудить Глендауэра, то и силовые линии тоже можно, так ведь?

– В том-то и дело.

– Но чтобы разбудить Глендауэра, нужно просто его найти. А по силовым линиям все время ходят.

– Ну нет, мистер Ганси, тут вы ошибаетесь. Пути энергии пролегают глубоко внизу. Даже если раньше было не так, теперь они закрыты многометровым слоем земли, который накопился с течением столетий, – сказал Мэлори. – Никто на самом деле не прикасался к ним веками. Мы с тобой не ходим по силовым линиям. Мы просто движемся, слушая эхо.

Ганси вспомнил, как однажды, когда они с Адамом искали линию, она появилась, а потом оборвалась без всякой видимой причины. Теория Мэлори казалась вполне правдоподобной, и, в общем, больше ни в чем он не нуждался. Он не желал ничего другого, кроме как взяться за книги в поисках аргументов в пользу этой новой идеи, и к черту школу. На Ганси напало

редкое сожаление, что он еще подросток и привязан к Агленби. Возможно, именно так себя всегда чувствовал Ронан.

– Ладно. Значит, будем искать под землей. В пещерах, может?

– Пещеры – страшная штука, – ответил Мэлори. – Знаешь, сколько людей гибнет в пещерах каждый год?

Ганси сказал, что не знает.

– Тысячи! – ответил Мэлори. – Это как кладбища слонов. Лучше уж оставаться наверху. Спелеология намного опаснее, чем мотогонки. Нет, в моем источнике речь шла о том, как пробудить силовую линию, находясь на поверхности, как дать ей знать о своем присутствии. Тебе нужно будет произвести символическое возложение рук на энергию прямо там, в Марианне.

– В Генриетте.

– Штат Техас?

Всякий раз, когда Ганси говорил с британцами об Америке, они почему-то полагали, что он живет в Техасе.

– Вирджиния, – поправил он.

– Как скажешь, – добродушно согласился Мэлори. – Ты подумай, как легко было бы пройти по силовой линии до могилы Глендауэра, если бы она говорила с нами во весь голос, а не шептала. Найди линию, соверши ритуал, иди по ней к своему королю.

Когда Мэлори так говорил, это казалось неизбежным.

«Иди по ней к своему королю».

Ганси закрыл глаза, чтобы успокоить учатившийся пульс. Он увидел тусклый серый силуэт спящего короля, сложенные на груди руки, меч справа, чашу слева. Эта дремлющая фигура была головокружительно важна для Ганси, хотя он не мог понять и сформулировать, чем именно. Это было нечто большое, огромное, нечто очень значимое. Нечто, не имеющее цены. Нечто заслуженное...

– Правда, из текста не очень ясно, как провести ритуал, – продолжал Мэлори.

Он стал распространяться о непредсказуемости исторических документов, но Ганси почти не слушал, пока старик не сказал:

– Я думаю попытать удачи в Локайере. Дам знать, что получится.

– Прекрасно, – ответил Ганси. – Я вам так благодарен.

– Передай привет матери.

– обяза...

– Хорошо, что у тебя, в твоём возрасте, есть мать. Когда мне было примерно столько же, сколько тебе, моя мать пала жертвой британской системы здравоохранения. Она прекрасно себя чувствовала, пока ее не госпитализировали с легким кашлем...

Ганси вполуха выслушал хорошо известную ему историю о том, как государственные врачи не смогли вылечить у матери Мэлори рак горла. Мэлори был довольно бодр к тому моменту, когда разговор закончился.

Ганси ощутил дух погони; ему нужно было с кем-то поговорить, пока ощущение незавершенных поисков не пожрало его изнутри. Адам подошел бы больше, но, скорее всего, сейчас бодрствовал только Ронан, который попеременно то страдал от бессонницы, то спал как медведь.

На полпути к комнате Ронана до Ганси дошло, что там пусто. Стоя в темном дверном проеме, он окликнул друга шепотом, а затем, не получив ответа, повысил голос.

В комнате Ронана не следовало рыскать, но Ганси все-таки это сделал. Он дотронулся рукой до кровати и убедился, что она не застелена и холодна, а одеяло стремительно отброшено набок. Ганси кулаком постучал в запертую дверь Ноя, другой рукой судорожно набирая номер Ронана. Раздалось два гудка, потом отозвался автоответчик: «Ронан Линч...»

Ганси на полуслове оборвал записанное сообщение, чувствуя, как колотится сердце. Он долго спорил с самим собой, прежде чем набрать другой номер. На сей раз ответил голос Адама, хриплый спросонок и осторожный.

– Ганси?

– Ронан пропал.

Адам молчал. Дело было не просто в том, что Ронан исчез, но и в том, что он исчез после драки с Дикланом. Однако из дома Пэрришей было не так просто выйти посреди ночи. Если бы Адама застукали, остались бы физические последствия, а погода уже стояла слишком теплая для длинных рукавов. Ганси чувствовал себя последним гадом оттого, что просил Адама об этом.

На улице высоким пронзительным голосом закричала какая-то ночная птица. Маленькая копия Генриетты в потемках смотрелась жутковато, оловянные машинки на улицах выглядели так, как будто только что остановились. Ганси всегда казалось, что после наступления темноты в его игрушечном городке могло случиться что угодно. По ночам Генриетта казалась волшебной. А магия – чем-то потенциально очень страшным.

– Я посмотрю в парке, – наконец произнес Адам. – И... э... наверное, на мосту.

Адам отключился так быстро, что Ганси не сразу отследил конец разговора. Он прижал пальцы к векам, и в этой позе его нашел Ной.

– Ты пойдешь искать? – спросил он.

В желтом ночном свете он казался бледным и почти бесплотным; тени у него под глазами были темнее обычного. Не столько Ной, сколько намеки на Ноя.

– Поищи в церкви.

Ной не предложил присоединиться, и Ганси его не звал. Полгода назад, единственный раз, когда это было критически важно, Ной обнаружил Ронана в луже собственной крови, а потому был избавлен от необходимости впредь отправляться на поиски. Ной не поехал тогда вместе с Ганси в больницу, а Адама застукали, когда он пытался выбраться из дому, поэтому с Ронаном, когда его штопали, был только Ганси. Это случилось давно, но опять-таки, времени не существовало.

Иногда Ганси казалось, что его жизнь состоит из десятка часов, которые он никогда не сможет забыть.

Натянув куртку, он вышел на холодную парковку, залитую зеленоватым светом. Капот машины Ронана был холодным, значит, никто на ней недавно не ездил. Куда бы ни отправился Ронан, он пошел пешком. Церковь, со шпилем, залитым тусклым желтым светом, стояла в пределах пешей доступности. И «Нино» тоже. И старый мост, под которым быстро неслась река.

Ганси двинулся вперед. Рассуждал он логически, но сердце-предатель билось с запинками. Он не был наивен и не питал иллюзий, будто найдет Ронана Линча, которого знал до смерти Ниалла. Но Ганси не хотел и потерять того Ронана Линча, которого знал теперь.

Несмотря на яркий лунный свет, вход в церковь святой Агнессы терялся в темноте. Слегка дрожа, Ганси положил руку на массивное железное кольцо на двери, подумав, что, может быть, церковь заперта. Он был в церкви святой Агнессы только раз, на Пасху, когда их пригласил младший брат Ронана, Мэтью. Ганси в жизни не подумал бы, что человек вроде Ронана способен прийти сюда посреди ночи. Строго говоря, Ронан вообще не выглядел как тот, кто ходит в церковь, однако все братья Линчи каждое воскресенье посещали службу. В течение часа они сидели бок о бок на скамье, в то время как даже за столом в ресторане не могли встретиться друг с другом глазами.

Миновав черную арку входа, Ганси подумал: «Ной хорошо умеет искать». Он надеялся, что Ной не ошибся насчет Ронана.

Церковь окутала Ганси запахом ладана – редким запахом, который немедленно пробудил в памяти полдесятка воспоминаний о семейных свадьбах, похоронах и крестинах (всё это почему-то бывало летом). Странно было, что целое время года могло уместиться в одном глотке застоявшегося воздуха.

– Ронан?

Это слово всосалось в пустоту и эхом отразилось от невидимого потолка, так высоко наверху, что в конце концов Ганси ответил только собственный голос.

На полу лежали заостренные тени арок. Мрак и неуверенность словно кулаками стучали по ребрам Ганси, неподвижные легкие напоминали о еще одном давнем летнем дне – о том дне, когда он впервые понял, что в мире есть магия.

Ронан был в церкви – он лежал, вытянувшись, на одной из скамей в темноте. Одну руку он свесил с края, другую вытянул за голову. Его тело казалось чуть более темным пятном в мире черноты. Ронан не двигался.

Ганси подумал: «Только не сегодня. Пожалуйста, только не сегодня».

Усевшись на краешке скамьи, он положил руку Ронану на плечо, как будто мог просто разбудить его. Он молился, чтобы именно так и было, чтобы силы его мысли оказались достаточно. Плечо было теплым; от Ронана пахло спиртным.

– Просыпайся, старик, – сказал Ганси.

Слова звучали тяжело, пусть даже он пытался придать голосу бодрости.

Ронан шевельнул плечом и повернулся лицом кверху. На одно короткое мгновение Ганси дал себе волю: ему показалось, что он опоздал, что Ронан все-таки умер и что его тело пробуждается только потому, что так приказал он, Ганси. Но затем ярко-синие глаза Ронана открылись, и наваждение пропало.

Ганси выдохнул.

– Сволочь ты.

Ронан откровенно ответил:

– Я не мог заснуть.

И добавил, заметив уязвленное выражение лица Ганси:

– Честное слово, больше я так не буду.

Ганси вновь попытался говорить беззаботно и не смог.

– Врешь.

– Кажется, – произнес Ронан, – ты путаешь меня с моим братом.

Вокруг стояла насыщенная тишина; когда Ронан открыл глаза, в церкви как будто стало светлее, словно она тоже спала до сих пор.

– Когда я сказал тебе, что не хочу, чтобы ты напивался на фабрике, я не имел в виду, что ты можешь валяться пьяным в другом месте.

Ронан, лишь слегка заплетаясь языком, ответил:

– Кто бы говорил.

Ганси с достоинством ответил:

– Я пью. Но не напиваюсь.

Ронан перевел взгляд на что-то, что он прижимал к груди.

– Что это? – спросил Ганси.

Пальцы Ронана стискивали нечто темное. Когда Ганси попытался их разжать, то ощутил нечто живое и теплое. Там быстро билось чье-то сердце. Он отдернул руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.